



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХІІ.

11-12
1890.

НОЯВРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1890.



СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 3

П. Н. Миллюковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (продолженіе) 1

А. И. Варбашевъ. Торжескій миръ (1411 г.) 80

Ф. Д. Ватюшковъ. Оказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ орденовѣковой литературѣ (продолженіе) 105

Н. М. Вуиновъ. Мотивы избранія Гугона Капета на царство 135

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Е. Ф. Карскій. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Озверо-западнаго края, собраніи и приведенные въ порядок П. В. Шейномъ. С.-Пб. 1890 175

О. А. Селивановъ. De rebus Prieuenisium scripsit Thomas Lenscham. (Leipziger Studien zur classischen Philologie. Von O. Ribbeck, H. Lipsius, O. Wachtsmuth. Leipzig. 1890) 191

В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія племени и племенъ Кавказа. Вып. X. Тифлисъ. 1890 202

П. О. Вобровскій. Отзывъ на критику М. О. Колловича 217

— Книжныя новости 245

П. Шейнинъ. Очеркъ современнаго состоянія народныхъ школъ въ Пруссіи 1

М. Л. Стефановичъ. Гимнастика въ немецкихъ женскихъ училищахъ 25

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

— Пробываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августѣйшихъ Дѣтьми въ Ровенскомъ реальномъ училищѣ 1

— Императорская Академія Наукъ 3

— Пятидесятилѣтній юбилей академика А. Ф. Вышкова 23

— Наши учебныя заведенія: Казанскій университетъ въ 1889 году 32

Л. Л.—ръ. Письмо изъ Парнжа 41

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Н. Сиротининъ. Стихотворенія Соокрита 65

Редакторъ В. Васильевскій.

((Вышла 4-го ноября)).

МОТИВЫ ИЗВРАЩЕНІЯ ГУГОНА КАПЕТА НА ЦАРСТВО.

Въ 936 году Гуговъ Великій имѣлъ полную возможность сдѣлаться королемъ и такимъ образомъ доставить роду Роберта Храбраго корону Франціи уже въ третій разъ. Дядя Гугона, Одонъ, правилъ Франціей цѣлыхъ десять лѣтъ (888—898). Послѣ смерти Одона произошла реставрація каролинговъ: королемъ былъ избранъ Карлъ Простой, сынъ Людовика Косноязычнаго. По прошествіи нѣкотораго времени братъ Одона, Робертъ, возмутился противъ Карла и провозгласилъ себя королемъ. Между двумя королями завязалась борьба, окончившаяся не въ пользу Роберта. Въ сраженіи при Соассонѣ (923) Робертъ лишился и короны, и жизни. Но побѣда не принесла Карлу никакой пользы. Вмѣсто Роберта явился новый король въ лицѣ Рудольфа, герцога бургундскаго. Карлъ былъ захваченъ въ плѣнъ однимъ изъ своихъ вассаловъ, Герибертомъ изъ Вермандой, и окончилъ свою жизнь въ темницѣ, а Рудольфъ царствовалъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 936 году. Смерть Рудольфа открыла сыну Роберта, Гугону Великому, свободный путь къ коронѣ, но онъ не захотѣлъ послѣдовать печальному примѣру своего отца. Онъ рассчиталъ, что гораздо вѣрнѣе будетъ возвратить престолъ каролингамъ и увеличить при ихъ помощи могущество своего дома, и безъ того уже весьма значительное. Онъ предпочелъ вторичную реставрацію каролинговъ и привалъ изъ Англіи сына Карла Простаго, Людовика IV, по прозванію Заморскаго, который былъ увезенъ за море во время злключеній, постигшихъ его отца. 20-го іюня 936 г. Людовикъ былъ коронованъ. По всей вѣроятности, еще раньше коронаціи Гуговъ получилъ отъ Людовика титулъ герцога Франціи, съ которымъ была связана военная власть въ большей части земель между Соммой и Лоарой, исключая герцогство нормандское. Такимъ образомъ, расчетъ Гугона началъ

оправдываться, но уже вскорѣ между нимъ и королемъ начались разногласія. Не смотря на свою молодость, Людовикъ сталъ обнаруживать безповойную для Гугона энергію. Онъ хотѣлъ быть дѣйствительнымъ, а не кукольнымъ королемъ, и не побоялся стать во враждебныя отношенія къ Гугону, хотя его борьба съ Гугономъ врядъ-ли могла подавать надежду на счастливый исходъ. Владѣніи Людовика были очень ограничены въ сравненіи съ гугоновскими: они сводились главнымъ образомъ къ графствамъ рейскому и ланскому, изъ которыхъ въ послѣднемъ лежала сильная, почти неприступная крѣпость, Лапъ, главный оплотъ послѣднихъ каролинговъ. Въ попыткахъ расширить эти владѣнія прошла вся жизнь Людовика, который съ энергіею, достойною лучшей участи, бросался для этой цѣли то на Гугона, то на Оттона I. У Оттона I онъ хотѣлъ отнять Лотарингію, чтобы пріобрѣсти себѣ въ ней прочный базисъ для дальнѣйшей борьбы внутри Франціи. Но отнять Лотарингію у могущественнаго Оттона онъ не могъ. Результатомъ его борьбы съ Оттопомъ и Гугономъ было лишь усиленіе германскаго вліянія во Франціи. Въ союзѣ то съ Гугономъ, то съ Людовикомъ Оттонъ дважды проникалъ съ войсками во Францію и во время одного изъ этихъ походовъ доходилъ до Парижа и Руана. Политическій дуализмъ, царившій во Франціи, вполне соответствовалъ интересамъ Оттона, который умѣлъ имъ очень ловко пользоваться и первый изъ германскихъ государей примѣнилъ ко Франціи политику „divide et impera“. Находя, что еще не наступило время наложить свою руку на Францію, какъ онъ это сдѣлалъ вскорѣ по отношенію къ Италіи, Оттонъ въ самый рѣшительный моментъ, когда Гугону удалось завладѣть и Ланомъ, и самимъ Людовикомъ, вступился за несчастнаго Людовика и принудилъ Гугона вновь принести вассальную клятву вѣрности своему королю (950), который только благодаря этому вмѣшательству и удержался на своемъ шаткомъ тронѣ. Къ 962 году, когда Оттонъ короновался императорскою короной, положеніе дѣлъ во Франціи осталось въ сущности то же самое. Переимѣнились только лица. Вмѣсто Людовика, умершаго 10-го сентября 954 г., здѣсь царствовалъ его сынъ, Лотарь. Гугонъ Великій скончался 16-го іюня 956 г., но оставилъ себѣ достойнаго преемника въ лицѣ своего сына, Гугона Капета. Гибельный для Франціи дуализмъ остался въ своей силѣ. Онъ какъ бы перешелъ по наследству отъ отцовъ къ дѣтямъ ¹⁾. Смерть

¹⁾ *Бубновъ*. Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ, ч. II, отд. I (С.-Пб. 1889), стр. 57—71.

Оттона I (7 мая 973 г.), вызвавшая смуту въ Германіи, не могла, разувѣется, остаться безъ вліянія на отношенія между Гугономъ и Людовикомъ. Критическое положеніе Оттона II разбудило во Франціи давнишнее недовольство преобладаніемъ Германіи. Всякіе наступательные планы казались легко исполнимыми. Лотарю удалось привлечь на свою сторону Гугона. Онъ даже убѣдилъ его предпринять сообща походъ на Лотарингію. Въ 978 г. французское войско ворвалось въ предѣлы Лотарингіи, но все дѣло ограничилось однимъ лишь набѣгомъ по направлению къ Ахену. Ахенскій дворецъ былъ занятъ войсками Лотаря и Гугона, которые имѣли въ виду захватить здѣсь Оттона II вмѣстѣ съ женой его, Теофаніей. Оттонъ II едва успѣлъ бѣжать ¹⁾. Но согласіе Лотаря и Людовика было, какъ мы сейчасъ увидимъ, не продолжительнымъ.

Оттонъ II не могъ оставить безъ мщенія дерзкій набѣгъ французскаго короля. Еще въ томъ же 978 г. войско его разлилось по Франціи и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, дошло до стѣнъ Парижа. Лотарь бѣжалъ за Сену въ Этампъ. Гугокъ засѣлъ въ Парижѣ. На южномъ берегу Сены стало мало по малу стягиваться французское войско. Простоявъ подъ Парижемъ короткое время, Оттонъ увидѣлъ себя принужденнымъ отступить. На обратномъ пути часть его войска была уничтожена слѣдовавшими за нимъ по цѣпамъ французами. Хотя Оттонъ II и не положилъ конца царствованію Лотаря, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, онъ и имѣлъ собственно въ виду, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное его проникновеніемъ въ сердце Франціи, было громадное и, такъ какъ ему удалось, наконецъ, утвердить свою власть на прочномъ основаніи, то Лотарь счелъ за лучшее вступить втайнѣ отъ Гугона съ нимъ въ союзъ (980), направленный косвеннымъ образомъ противъ Гугона. Услыхавъ объ этомъ, Гугокъ отправился въ слѣдующемъ году въ Римъ и тамъ въ свою очередь заключилъ съ Оттономъ союзъ, направленный противъ Лотаря. Не смотря на засады, устроенныя Лотаремъ, новый союзникъ Оттона вернулся благополучно во-своиса. Отношенія между нимъ и Лотаремъ сдѣлались снова на долгое время враждебными ²⁾.

Во время похода Оттона II на Парижъ въ его войскѣ находился братъ Лотаря Карлъ, одна изъ загадочныхъ личностей X вѣка. Тѣснымъ Лотаремъ по Франціи, онъ незадолго передъ тѣмъ сталъ

¹⁾ Тамъ-же стр. 91—105.

²⁾ Тамъ-же стр. 106—122.

принимать участіе въ частныхъ въ то время нападеніяхъ на Лотарингію и столь же неожиданно для самого себя, сколько и для другихъ, былъ во время одного изъ такихъ нападеній сдѣланъ Оттономъ II герцогомъ Нижней Лотарингіи. Это былъ мастерской ходъ Оттона II, который хотѣлъ этимъ путемъ извлечь пользу изъ раздвоенія въ семьѣ каролинговъ. Теперь на обязанности Карла лежала защита Лотарингіи отъ Лотаря ¹⁾.

Въ Реймсѣ нѣмецкое войско нашло преданныхъ слугъ Оттона II въ лицѣ Адальберона, архіепископа реймскаго, и проживавшаго тамъ въ то время ученаго схоластика Герберта. Адальберонъ происходилъ изъ знатнаго лотарингскаго рода и даже былъ отдаленнымъ родственникомъ императорской фамиліи. Гербертъ былъ родомъ французъ. Между политическими убѣжденіями Герберта и Адальберона была только та разница, что у перваго они имѣли чисто теоретическій характеръ, тогда какъ во второмъ говорилъ и голосъ крови происхожденія. Отстаивая интересы имперіи, Адальберонъ работалъ на пользу своего отечества; дѣятельность же Герберта, стремившагося къ осуществленію идеи воображаемой римской имперіи, пошла, напротивъ, скорѣе во вредъ его отечеству, Франціи ²⁾. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ лицѣ этихъ двухъ друзей Франція пріютила у себя убѣжденныхъ, ловкихъ и неравборчивыхъ въ средствахъ враговъ, не хотѣвшихъ смотрѣть на нее иначе, какъ на часть имперіи Оттоновъ. Во время похода Оттона II во Францію Адальберонъ дѣлалъ все возможное, чтобы способствовать его успѣху ³⁾. Въ 980 году Адальберонъ съ Гербертомъ ѣздили въ Италію къ Оттону II, какъ кажется, съ цѣлью подготовить посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ союзъ Оттона II съ Гугономъ противъ Лотаря ⁴⁾. Въ 982 г. или 983 г. Гербертъ получилъ отъ Оттона II богатое итальянское аббатство Воббіо и сдѣлался вассаломъ германскаго императора ⁵⁾. Смерть Оттона (7-го декабря 983 г.) заставила его, не слагая съ себя сана аббата, покинуть Италію и въ ожиданіи лучшихъ временъ снова водвориться въ Реймсѣ ⁶⁾.

¹⁾ О Карлѣ см. подробности тамъ же стр. 95—103.

²⁾ Тамъ-же стр. 87, 88. О политическихъ убѣжденіяхъ Герберта см. тамъ же стр. 71—81.

³⁾ Тамъ-же стр. 108.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 119.

⁵⁾ Тамъ-же стр. 9.

⁶⁾ Тамъ-же стр. 172.

Смерть Оттона II уничтожала его союзные договоры съ Лотаремъ и Гугономъ. Лотарь задумалъ воспользоваться смутой въ Германіи, гдѣ двоюродный братъ Оттона II, Генрихъ баварскій, провозгласилъ себя королемъ и только послѣ долгаго сопротивленія возвратилъ малолѣтняго Оттона III его матери, Теофаніи. Сначала Лотарь скрывалъ свои завоевательные планы и выступилъ было въ качествѣ опекуна Оттона III. Гербертъ съ Адальберономъ имѣли наивность повѣрить его безкорыстію, стали выставять его противъ Генриха и даже убѣдили многихъ лотарингцевъ дать ему клятву вѣрности ¹⁾. Но лишь только, съ возвращеніемъ Оттона III, Теофаніи, эта послѣдняя была признапа регентшей, Лотарь увидѣлъ себя принужденнымъ раскрыть свою игру. Опираясь на клятву вѣрности, данную ему нѣкоторыми лотарингцами, Лотарь сдѣлалъ попытку завладѣть Лотарингіей и, встрѣтивъ тамъ сопротивленіе, имѣлъ нѣкоторое основаніе считать лотарингцевъ клятвопреступниками. Находясь въ неладахъ съ Гугономъ и потому не имѣя надежды на его содѣйствіе, Лотарь сумѣлъ привлечь на свою сторону двухъ могущественныхъ вассаловъ Гугона, Одона, графа Шартра и Тура, и Гериберта, графа Трѣа и Мо, которые, дѣйствуя всегда заодно, были третьєю послѣ Гугона и короля политической силою сѣверной Франціи. Выѣстѣ съ этими графами Лотарь напалъ на Лотарингію и взялъ Вердюнъ (осень 984 г.). Въ началѣ 985 г. онъ велъ переговоры о союзѣ съ Генрихомъ, который все еще не хотѣлъ подчиняться установившемуся въ Германіи политическому режиму. Въ іюнѣ (18) 985 года, благодаря стараніямъ нѣкоторыхъ людей, которые не особенно то нравились Герберту, Гугопъ, еще незадолго передъ тѣмъ разогнавшій сѣздъ партіи Лотаря въ Компьенѣ, помирился съ Лотаремъ ²⁾.

Адальберонъ съ Гербертомъ, слишкомъ поздно увидѣвшіе ошибочность своей политики, очутились, употребляя гербертовское выраженіе, „между молотомъ и наковальнею“. Встрѣтивъ въ Адальберонѣ помѣху своимъ видамъ на Лотарингію, Лотарь принялся его всячески тѣснить. Пользуясь ходячими слухами относительно образа дѣйствій Адальберона во время похода Оттона II во Францію, Лотарь сталъ обвинять его въ государственной измѣнѣ и еще въ томъ, что онъ облегчалъ своему племяннику, Адальберону Вердюнскому, получив-

¹⁾ Тамъ-же стр. 191—202, 252—254, 208—210, 249, 250.

²⁾ Тамъ-же стр. 262—269, 294—296, 316—320.

нему вердунское епископство отъ Оттона III, способы сдѣлаться изъ простаго клирика кандидатомъ въ епископы, то-есть, посвятилъ его послѣдовательно въ дьяконы и пресвитеры уже послѣ того, какъ Лотарь заявилъ притязанія на Лотарингію, а, слѣдовательно, и на Вердунъ. До формальнаго процесса дѣло, однако, при Лотарѣ не дошло ¹⁾.

Адальберонъ напрасно хлопоталъ о возобновленіи между Гугономъ и Оттономъ III союза, заключеннаго Гугономъ въ 981. съ Оттономъ II ²⁾. Гугонъ и при молодомъ преемникѣ Лотаря († 2-го марта 986 г.), Людовикѣ V, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ королевскимъ домомъ ³⁾, что, впрочемъ, не мѣшало ему поддерживать дружественныя отношенія съ Адальберономъ. Людовикъ оказался достойнымъ сыномъ своего отца.

Онъ, вопервыхъ, рѣшился придать дѣлу Адальберона рѣшительный оборотъ. Осенью 986 года онъ произвелъ нападентіе на Реймсъ и, грозя взять городъ приступомъ, принудилъ Адальберона дать заложниковъ въ обезпеченіе своей явки на судъ, назначенный на 27-е марта 987 года. Впрочемъ, на судѣ должно было разбираться только сравнительно менѣе важное дѣло вердунскаго епископа. Много помочь Адальберону Гугонъ, который тоже принималъ участіе въ походѣ Людовика на Реймсъ, но не былъ расположенъ потакать во всемъ королю. Это, повидимому, онъ склонилъ короля рѣшить дѣло не оружіемъ, какъ онъ одно время хотѣлъ, а судомъ. Онъ же, должно быть, заставилъ короля удовольствоваться однимъ лишь вердунскимъ дѣломъ. Адальберонъ съ Гербертомъ обращались къ Теофаніи съ жалобой на свое критическое положеніе ⁴⁾.

Вовторыхъ, Людовикъ носился съ какими то новыми планами относительно Лотарингіи, такъ что Теофанія стала готовиться къ войнѣ противъ молодаго и безпокойнаго короля. Слухи объ этихъ вооруженіяхъ вызвали восторгъ въ реймскихъ политикахъ, которые съ немальной радостью могли констатировать появленіе и въ самой Франціи сильной оппозиціи Людовику. Въ составъ этой оппозиціи, кромѣ, разумѣется, ихъ самихъ, входили Одонъ, Герибертъ, мать короля, Эмма и Адальберонъ или Асцелинъ, епископъ ланскій, кото-

¹⁾ Тамъ-же стр. 300—305, 313, 275—278.

²⁾ Тамъ-же стр. 284, 297.

³⁾ Тамъ-же стр. 350.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 384—386, 392—399.

раго Карль обвинялъ въ прелюбодѣваніи съ королевой. На преданность Гугона Людовикъ тоже не могъ вполне расчитывать. Все это заставило его умѣрить нѣсколько свою энергію. Судъ надъ Адальберономъ Реймскимъ былъ отложенъ больше, чѣмъ на мѣсяць, а именно съ 27-го марта до 18-го мая, а 29-го марта состоялось, благодаря стараніямъ Беатрисы, герцогини Верхней Лотарингин, сестры Гугона, рѣшеніе начать переговоры съ Германіей о мирѣ. Для этой цѣли былъ на 25-е мая назначенъ съѣздъ въ Монфоконъ (около Вердюна) съ участіемъ Аделаиды, бабки Оттона III, Конрада Швабскаго, Людовика, Эммы, Гугона и Беатрисы. Но Гербертъ съ Адальберономъ, зная, что Аделаида не въ ладахъ съ Теофаніей, за которой она не хотѣла признавать права управлять страной единолично, не особенно то были довольны этимъ проектомъ. Они успѣли войти въ сношенія по этому поводу съ Теофаніей. Адальберонъ сдѣлался повѣреннымъ Теофаніи и только ожидалъ назначеннаго на 18-е мая собранія французскихъ феодаловъ въ Компьенѣ въ намѣреніи вести энергично переговоры о мирѣ, если, разумѣется, ему удалось бы оправдаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Главной цѣлью предстоявшаго собранія былъ судъ надъ Адальберономъ. Только въ случаѣ счастливаго исхода своего дѣла Адальберонъ думалъ воспользоваться этимъ собраніемъ, чтобы предложить проектъ новаго съѣзда для заключенія мира. Здѣсь, однимъ словомъ, Адальберонъ намѣревался взять на себя ту роль, которую играла 23-го марта въ Компьенѣ Беатриса, и вмѣсто мертворожденнаго проекта собранія въ Монфоконѣ здѣсь долженъ былъ быть выработанъ новый проектъ съ новыми участниками и, прежде всего, съ замѣною Аделаиды Теофанією¹⁾.

Къ назначенному времени (18-го мая 987 г.) Адальберонъ поѣхалъ къ королю для защиты своего дѣла. Но ему не пришлось защищаться. Счастливый случай избавилъ его отъ этого тяжелаго для него процесса²⁾.

Охотясь (вѣроятно, съ собравшимися на съѣздъ вассалами) въ

¹⁾ Тамъ-же стр. 403—417.

²⁾ Присутствіе Адальберона засвидѣтельствовано Рихеромъ (*Historiarum libri IV, MGHSS t. III*) l. IV c. 5. Въ дальнѣйшемъ цѣрѣ съ предшествующимъ ей сокращеніемъ „ер.“ обозначаетъ номеръ письма Герберта по номерамъ старинныхъ изданій (произвольная номерация *Ollivier's'a*, *Oeuvres de Gerbert*, 1867, оставлена въ сторонѣ), при чемъ въ такихъ случаяхъ, когда эта номерация отличается отъ номерации изданія *Havet* (*Lettres de Gerbert*, 1889), номеръ этого изобиднаго изданія обозначенъ рядомъ арабскою цифрой.

окрестностяхъ Савли, Людовикъ по неосторожности упалъ и такъ сильно расшибся, что 22 мая его уже не стало ¹⁾).

Передъ смертію Людовикъ высказалъ желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ отцомъ, но воля покойнаго не была уважена французскими вельможами, которые, съ общаго согласія, похоронили его въ Комьепѣ въ церкви S. Cornelle. Рѣшеніе это было мотивировано тѣмъ, что до Реймса было далеко. Многие феодалы не проводили бы короля и удалились бы во-свои. Чтобы собрать ихъ второй разъ требовалось много времени, да это было бы и трудно, а между тѣмъ положеніе государства было таково, что надо было не медля приступить къ его обсужденію ²⁾).

¹⁾ Разказавъ о нападеніи Людовика на Реймъ (l. IV сс. 2—4), имѣвшемъ мѣсто осемью 986 г., о чемъ см. Сб. пис. Герб. ч. II, отд. I, стр. 393, Рихеръ продолжаетъ такъ (с. 5): „Rex itaque exercitum amovit (изъ-подъ Реймса) Silvanestimque devenit. Ubi dum aestivam venationem exercebat, pedestri lapu decidens, multo corporis dolore vexatus est“ etc. Отсюда не слѣдуетъ заключать, что удаленіе короля изъ-подъ Реймса и роковая для него охота суть факты, слѣдующіе непосредственно одинъ за другимъ. Изъ ер. XC видно, что король былъ подъ Реймсомъ въ концѣ 986 г., а дата смерти короля (22-го мая 987 г.), прекращеніе процесса надъ Адальберономъ, назначеннаго на 18 мая, наконецъ, слово „aestiva“ въ разказѣ Рихера свидѣтельствуютъ, что Людовикъ охотился въ послѣдній разъ въ своей жизни въ май 987 г. Рихеръ просто со свойственною ему быстротой перешелъ отъ одного факта къ другому, чѣмъ и обуславливается кажущееся противорѣчіе его разказа съ письмами Герберта. Намъ кажется, что слово „aestiva“ поставлено имъ именно для того, чтобы показать, что пріездъ Людовика въ Савли для охоты не имѣетъ ничего общаго съ его возвращеніемъ изъ-подъ Реймса. Rich., l. IV, с. 5, опредѣляетъ день смерти Людовика „XI kal. jun.“, то-есть 22-го мая. Въ календарѣ, стоящемъ передъ молитвенникомъ королевы Эммы, смерть Людовика отнесена къ 21-му мая. Здѣсь къ „XII kal. jun.“ замѣчено: „Obiit Ludovicus rex, filius Nemmae, reginae Francorum“ (Mabillon. Ann. O. S. B., t. IV, p. 37). Такъ какъ различіе это незначительно и для нашего вопроса значенія не имѣетъ, то мы и не будемъ на немъ останавливаться. Совершенно невѣрную дату даетъ Hugo Flav. Necrol. (MGHSS t. VIII p. 286); „X kal. jul.“. Годъ смерти Людовика, — 987, опредѣляется изъ: 1) документа, цитируемаго Bouquet, t. X, p. 543: „anno, quo Ludovicus rex in adolescentia vitam finivit, datum V feria, III idus augusti“. 11-го августа есть „V feria“, то-есть четвергъ, именно въ 987 г., а не въ 986 г. и не въ 988 (см. Grotefend. Handbuch der hist. Chronol. pp. 147, 165, 187); 2) изъ того факта, что Гуголь, сдѣлавшійся королемъ несомнѣнно въ 987 году, былъ избранъ по многочисленнымъ свидѣтельствамъ (Bouquet, tt. IX и X, passim) въ томъ же году, въ которомъ Людовикъ умеръ; 3) наконецъ, 987 годъ даютъ и большинство annalovъ. См. напр.: Ann. S. Germani min. (MGHSS t. IV p. 4), Laubienses, Leodienses (ibid. p. 18), Sigebertus (ibid. t. VI p. 352), S. Germani Paris. (ibid. t. III p. 168), S. Dionysii Rem. (ibid. t. XIII p. 82).

²⁾ Rich. l. IV с. 5. О церкви, въ которой похороненъ Людовикъ, согласно свидѣтельству всѣхъ annalovъ и хроникъ.

Такимъ образомъ, случай удалилъ со сцены раньше времени этого молодого и энергичнаго короля, который всё свои начинанія оставилъ не оконченными. Миръ съ Германіей все еще не былъ заключенъ, Адальберонъ Ланскій и Адальберонъ Реймскій счастливо избѣжали суда. Эмма, оба Адальберона, Одонъ и Гернбертъ могли, наконецъ, вздохнуть свободно. Ужъ если кто плакалъ искренно по Людовикѣ, то во всякомъ случаѣ не архіепископъ реймскій, сколько бы насъ въ этомъ ни старался убѣдить Рихерь. Эпитетъ „Несчастный“, который даютъ Людовику одни анпалы, идетъ къ нему гораздо больше, чѣмъ прозвище *Fainéant*, являющееся въ позднѣйшихъ хроникахъ ¹⁾).

Хотя обвинитель реймскаго архіепископа и сошелъ въ могилу, тѣмъ не менѣе Адальберонъ не могъ приступить къ государственными дѣламъ, не возстановивъ сначала передъ собравшимися феодалами своей поколебленной репутаціи. Послѣдніе и сѣхались-то по приказу короля для присутствія на судѣ надъ Адальберономъ. Поэтому прекратить это дѣло безъ дальнѣйшихъ околичностей было бы неблагоприятно и невыгодно для самого Адальберона, которому теперь уже нечего было сомнѣваться въ исходѣ процесса. На его сторонѣ стоялъ могущественный Гугокъ, который, по гербертовскому выраженію, уже и при отцѣ Людовика былъ настоящимъ королемъ Франціи ²⁾. По смерти Людовика онъ сразу и безпрепятственно выдвигается на первый планъ. Онъ взялъ на себя оправдать Адальберона, чтобы потомъ передать ему веденіе своего дѣла, своей кандидатуры на французскій престолъ.

На собраніи французскихъ феодаловъ, состоявшемся въ Компьенѣ непосредственно послѣ похоронъ Людовика, Гугокъ занялся прежде всего обвиненіями противъ Адальберона. Напомнивъ участникамъ собранія, что они явились сюда, въ Компьень, еще по зову покойнаго короля для разбора его обвиненій противъ Адальберона, онъ указалъ имъ на исчезновеніе обвинителя, который своею смертью

¹⁾ Rich. I. IV c.: „Plurima vero commiseratione ipse episcopus (sc. Adalbero Rem.) de morte regis conquestus est.“—Ann. Melrosenses a. 988: „Ludovicus Miser, rex Francorum, obiit“ (MGHSS t. XXVII p. 433). Прозвище „Fainéant“ есть въ сущности невѣрно понятый отзывъ о Людовикѣ въ Odotanni Chr. „qui nihil fecit“ (*Bouquet*, t. X, p. 165, откуда *Olarius. Chron. S. Petri Vivi Senon.*, ibid. p. 222). Игривая фантазія некоторыхъ французскихъ историковъ связывала это прозвище съ несчастнымъ бракомъ Людовика.

²⁾ См. ерр. XLI, XLVIII.

завѣщаль это дѣло всецѣло самому собранію. Затѣмъ Гуговъ трижды велѣлъ вызывать желающихъ принять на себя завѣщанное королемъ обвиненіе, но охотниковъ не нашлось. Да и не мудрено: Гуговъ сразу поставилъ будущихъ обвинителей въ такія условія, которыя для людей, знавшихъ его отношенія къ Адальберону, не могли быть двояко истолкованы, а именно: „Если кто выступитъ съ справедливыми обвиненіями, то собраніе, безъ сомнѣнія, одобритъ его слова; если же, являясь клеветникомъ, измыслитъ ложное, то пусть лучше молчитъ, чтобы по уличеніи не быть за такое преступленіе наказаннымъ“. Послѣ этого Гуговъ предложилъ считать Адальберона оправданнымъ и оставить всякія подозрѣнія, потому что „какая польза питать подозрѣнія противъ того, кто не имѣлъ даже возможности сказать на судѣ что-либо въ свою защиту“¹⁾.

Такимъ соммарнымъ образомъ было покончено съ обѣщаннымъ немало важныхъ разоблаченій процессомъ надъ Адальберономъ.

Теперь собравшимся феодаламъ предстояло другое, еще болѣе важное дѣло, котораго они, отправляясь по зову короля въ Компьень, не предвидѣли и для вершенія котораго собраніе, созванное только для суда надъ реймскимъ архіепископомъ, разумѣется, не могло быть компетентнымъ,—именно, имъ надо было подумать объ избраніи новаго короля.

Веденіе совѣщаній по этому предмету было, съ согласіемъ остальныхъ феодаловъ, передано Гугономъ Адальберону. Адальберонъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой подчеркнул прежде всего то обстоятельство, что теперь онъ уже можетъ принять участіе въ совѣщаніи по столь важному государственному вопросу, такъ какъ, благодаря благосклонности „великаго герцога и остальныхъ вельможъ“, онъ объявленъ свободнымъ отъ взведенныхъ на него обвиненій (1). Затѣмъ, обращаясь къ дѣлу, Адальберонъ не призналъ за настоящимъ собраніемъ права приступить къ избранію короля, потому что въ составъ его вошли не всѣ тѣ „вельможи, которыхъ умомъ и энергіей ведутся дѣла государства“. По мнѣнію Адальберона, избраніе короля надо было отложить на время, чтобы могли собраться всѣ тѣ, кого это дѣло касалось, и чтобы каждый изъ нихъ могъ высказать свое мнѣніе публично. До тѣхъ же поръ никто не долженъ былъ предпринимать или замышлять что-нибудь относительно избранія короля на свой страхъ.

¹⁾ Rich. I. IV, cc. 5, 6, 7.

Всѣ одобрили мнѣніе Адальберона и, по его же требованію, принесли Гугону клятву въ томъ, что до назначеннаго собранія не станутъ дѣйствовать въ пользу какого бы то ни было кандидата. Затѣмъ собраніе разошлось ¹⁾.

Не трудно понять, противъ кого были направлены предложенныя Адальберономъ мѣры предосторожности. Клятва, которой онъ потребовалъ, обязывала присутствовавшихъ въ Компьенѣ сторонниковъ Карла бездѣйствовать: кромѣ Карла и Гугона, никакихъ другихъ кандидатовъ на корону въ то время быть не могло. Сдержали ли сторонники Карла свою клятву, мы не знаемъ, но врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Адальберонъ не потерялъ промежутка времени между компьенскимъ и санлискимъ собраніями даромъ. Онъ совместно съ Гербертомъ дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы обезпечить избраніе Гугона. Разъ, правда, онъ показалъ достойный подражанія примѣръ вѣрности компьенскимъ обстоятельствамъ, но это было сдѣлано по отношенію къ его врагу Карлу и только для того, чтобы отдѣлаться отъ его просьбъ.

Дѣло въ томъ, что Карлъ, сообразивъ о томъ, какую важную роль Адальберонъ и по своему званію, какъ реймскій архіепископъ, и особенно вслѣдствіе того, что ему было поручено веденіе совѣщаній объ избраніи новаго короля, долженъ былъ играть на предстоящемъ собраніи, поспѣшиль пріѣхать въ Реймсъ и здѣсь наввно пытался склонить Адальберона на свою сторону, представивъ ему свои права на престолъ. Карлъ говорилъ Адальберону, что его изгнаніе Лотаремъ, его братомъ, изъ предѣловъ государства не играетъ никакой роли въ данномъ случаѣ, что французскій престолъ ему принадлежитъ послѣ брата и племянника по праву наслѣдства и что никакихъ такихъ недостатковъ, которые по традиціи считались устраняющими отъ престолонаслѣдія, у него нѣтъ: онъ не уродъ ²⁾. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ свои наслѣдственныя права и становясь на точку зрѣнія простаго претендента (въ родѣ, напримѣръ, Гугона), Карлъ и тутъ показалъ свое право быть избраннымъ: онъ не былъ лишенъ того, чего прежде всего требуютъ отъ каенхъ бы то ни было

¹⁾ Rich. I. IV c. 8.

²⁾ Rich. lib. IV c. 9: „Omnibus notum est, pater venerande, jure hereditario debere fratri et nepoti me succedere. Licet enim a fratre de regno pulsus sim, tamen natura nihil humanitatis mihi derogavit; cum omnibus membris natus s m, sine quibus quisvis ad dignitatem quamlibet promoveri non potuit“.

кандидатовъ на престолъ, то-есть, знатности рода и доблести ¹⁾). Если вѣрить Рихеру, то Карлъ пытался даже убѣдить Адалъберона въ томъ, что, хотя Лотарь и лишилъ его слѣдовавшей ему части государства, онъ тѣмъ не менѣе всегда вѣрно служилъ ему, какъ подданный, и о благополучіи своего брата заботился болѣе всего на свѣтѣ. Въ заключеніе Карлъ выразилъ свое крайнее убѣжденіе, что никто кромѣ Адалъберона не можетъ возвратить ему его родовой престолъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Карла Адалъберонъ сталъ упрекать его въ томъ, что онъ всегда находился въ обществѣ съ „влятвопреступниками, святотатцами и другими погибшими людьми“, а въ настоящее время, повидимому, даже рассчитываетъ на ихъ содѣйствіе для осуществленія своихъ притязаній. Возражая Адалъберону, Карлъ сказалъ, что не можетъ оставить своихъ приверженцевъ,—ему, напротивъ, слѣдуетъ пріобрѣтать еще и другихъ. Чтобы прервать это бесполезное совѣщаніе, Адалъберонъ (ссылаясь на рѣшеніе комъеньскаго собранія) объяснилъ, что безъ согласія французскихъ вельможъ, то-есть отдѣльно отъ нихъ, онъ не предприметъ въ этомъ направленіи ничего. На этомъ они и разъѣхались ²⁾).

День, назначенный для избранія короли, наконецъ, наступилъ: французскіе феодалы вмѣстѣ съ высшими представителями духовенства собрались въ Санли. Въ свитѣ Адалъберона, который долженъ былъ руководить совѣщаніями, сюда явился въ качествѣ его секретаря, конечно, и Гербертъ. Адалъберонъ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой послѣ криткаго вступленія онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Мы знаемъ, что у Карла есть свои доброжелатели, которые утверждаютъ, что королевская власть завѣщана Карлу предками и что потому онъ достоинъ ея. Но если ужъ заводится рѣчь о порядкѣ престолонаслѣдія, то мы позволимъ себѣ замѣтить: во-первыхъ, что

¹⁾ Rich. lib. IV, c. 9: „Nis etiam non careo, quae in regnaturis quibuslibet plurimum queri solent, genere et, ut audeam, virtute“. Составляя прямое продолженіе предыдущей цитаты, фраза эта должна быть истолкована именно такъ, какъ мы ее толкуемъ въ текстѣ. Только оставая въ сторонѣ свое проихожденіе и наследственные права, Карлъ могъ послѣ всего сказаннаго имъ снова ссылаться на свой „genus“.

²⁾ Rich. l. IV, cc. 9, 10. Въ с. 10 фразы: „Tandem sine principum consensu se super hoc nihil facturum respondens, ab eo dimotus est“ мы понимаемъ какъ ссылку на комъеньскую влятву.—То, что здѣсь слѣдуетъ ниже, есть отрывокъ изъ нѣвѣющаго появленія втораго отдѣла второй части „Сб. пис. Герб.“.

королевская власть вообще не приобрѣтается по праву наслѣдства, а вѣторыхъ, что въ королѣ можетъ быть избранъ лишь тотъ, кто украсенъ не только знатностью происхожденія, но и мудростью, кого твердыня и крѣпость — честь и великодушіе. Мы читаемъ въ анналахъ, что за малодушіе были лишены своего достоинства императоры самаго знатнаго происхожденія, а ихъ мѣсто заступали другіе равнаго съ ними или даже низшаго происхожденія¹⁾.

Уничтоживъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ собственномъ мнѣніи, наслѣдственныя права Карла на престолъ, Адальберонъ взглянулъ на него, какъ на простаго кандидата, и продолжалъ такъ:

„Но развѣ можно довѣрить Карлу вообще что-либо высокое, когда законы чести противъ него безсильны, когда его расслабляетъ апатія, когда онъ, наконецъ, до того въ умственномъ отношеніи отупѣлъ, что не побоялся стать вассаломъ иностраннаго государя и вступилъ въ неравный бракъ съ дѣвицею изъ сословія вассаловъ? Какимъ образомъ могъ бы великій герцогъ допустить, чтобы женщина, взятая изъ круга его вассаловъ (дочь Гериберта), сдѣлалась королевою и стала властвовать надъ нимъ? Какимъ образомъ поставитъ онъ Карла выше себя, когда люди, равные Карлу и даже стоящіе выше его, преклоняютъ передъ нимъ колѣни и подкладываютъ ему подъ ноги свои руки? Разсмотрите дѣло внимательно, и вы увидите, что Карлъ низвергнуть не по чужой, а по своей собственной винѣ²⁾.

Устранивъ Карла и въ качествѣ простаго кандидата на престолъ, Адальберонъ пустился восхвалять Гугона, славнаго „своей энергіей, благороднымъ происхожденіемъ, военнымъ могуществомъ“. Никто, по его словамъ, не обращался къ Гугону, не получивъ отъ него помощи и покровительства. „Если хотите несчастія государства, говорилъ Адальберонъ, — изберите Карла, если желаете государству благополучія, коронуйте славнаго герцога Гугона³⁾“.

¹⁾ Рѣчь Адальберона см. Rich. l. IV, с. 11. Она передана, конечно, не буквально, но вѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакого основанія разсматривать ее, какъ простое риторическое упражненіе Рихера. Рихеръ имѣлъ полную возможность собрать о томъ, что говорилъ Адальберонъ, самыя точныя свѣдѣнія отъ самаго Адальберона, или отъ своего учителя Герберта. Къ тому же, взгляды на порядокъ престолонаслѣдія, высказываемый Адальберономъ въ этой рѣчи, диаметрально противоположны тому, который Рихеръ высказываетъ въ измышленной имъ рѣчи Гугона Великаго, произнесенной будто бы въ 936 г. передъ призваніемъ изъ Англіи Людовика Заморскаго (Rich. l. II, с. 2): „Коро-

Вотъ, къ несчастію, все, что намъ извѣстно о ходѣ совѣщаній въ Сабли. Обращался ли и Гербертъ къ собранію съ рѣчью, или долженъ былъ въ качествѣ италіанскаго аббата и вассала саксонскаго дома довольствоваться ролью пассивнаго зрителя и секретаря Адальберона, мы не знаемъ ¹⁾, какъ не знаемъ и того, пытался ли кто-нибудь выступить защитникомъ наслѣдственныхъ правъ Карла. Во всякомъ случаѣ, противники Карла взяли, какъ и слѣдовало ожидать, верхъ, и избраніе Капета, если оно, можетъ быть, и не было такимъ единогласнымъ, какимъ оно является у Рихера ²⁾, писавшаго свою исторію въ царствованіе Гугона и потому въ данномъ случаѣ

tatur ergo interrupta paululum regiae generationis linea, ac Karoli filium Ludovicum a transmarinis partibus revocantes, regem vobis decenter create. Sicque fiet, ut et antiqua nobilitas regiae stirpis servetur, et fautores a querimoniis quiescant". Здѣсь мы имѣемъ дѣло, очевидно, со взглядомъ самого Рихера, такъ какъ врядъ ли Рихеръ могъ узнать откуда-нибудь содержаніе рѣчи, произнесенной болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ лѣтъ раньше того времени, когда онъ писалъ свое сочиненіе (991—998), такъ болѣе, что эту рѣчь было бы напрасно искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. *Luchaire*, *Hist. des Inst. Mon.* t. I, p. 12, n. 1, переходитъ предѣлы законнаго скептицизма, утверждая, что „l'opinion de Richer a peu de valeur en pareille matière". Въ данномъ случаѣ, взглядъ Рихера выражаетъ прежде всего взглядъ каролинской партіи, къ которой онъ принадлежалъ, а затѣмъ слушать, по нашему мнѣнію, доказательствомъ того, что, хотя de facto французскій престолъ ставовился въ X столѣтіи все болѣе и болѣе избирательнымъ, въ сознаніи массъ наслѣдственнымъ права каролинговъ еще не утратили характера законности. Тотъ же взглядъ на порядокъ престолонаслѣдія во Франціи Рихеръ приписываетъ Роберту, архіепископу трирскому (на соборѣ въ Нигальгеймѣ въ 948 г., *Rich. l. II, c. 71*).

¹⁾ Весьма многіе, упуская изъ виду оенціальное положеніе Герберта въ Реймѣ, которое не могло ему позволить стать во главѣ партіи Капета, преувеличиваютъ донельзя роль Герберта въ дѣлѣ избранія Капета. Французскіе магнаты смотрѣли на Герберта какъ на ловкаго секретаря, не болѣе, и по смерти Адальберона многіе изъ нихъ хотѣли его переманить къ себѣ на службу (см. *ep. CL, 149*). Отсюда ясно, что вести дѣло избранія Гугона было Герберту не по плечу, и потому весьма вѣроятно, что на собраніи въ Сабли Гербертъ не вышелъ изъ скромной роли секретаря реймскаго архіепископа.

²⁾ *Rich. l. IV, c. 12*: „dux omnium consensu in regnum promovetur". Мы знаемъ однако, что Сагуиъ, архіепископъ Сенса, который не могъ присутствовать на саблискомъ собраніи, не поддавался вліянію краснорѣчія Адальберона, и Гугону пришлось его урезонивать еще нѣкоторое время спустя послѣ того, какъ его избраніе стало совершившимся фактомъ (см. *ep. CVII*). Вообще трудно предположить, чтобы партія Карла, которая была новее уже не такой малочисленной и безсильной, какой ее довольно часто представляютъ, не нашелъ себя энергическихъ представителей въ Сабли.

вряд ли стремившагося къ протокольной точности, было принято большинствомъ голосовъ. Изъ Санли, гдѣ происходило это избраніе, участники сѣзда переѣхали въ недалекій Нойонъ, и здѣсь въ воскресенье, 3-го іюля 987 года, Адальберонъ въ сослуженіи съ другими епископами совершилъ надъ Гугономъ обрядъ вѣнчанія на царство ¹⁾).

Скудость извѣстій объ обстоятельствахъ избранія Гугона на царство—фактъ очень печальный. Самъ по себѣ онъ не служитъ однако признакомъ умственной апатіи современниковъ и очевидцевъ этого событія, какъ это еще не особенно давно пѣкоторымъ казалось. Дѣло въ томъ, что на взглядъ современниковъ, да и въ дѣйствительности, избраніе Гугона на царство не было рѣзкимъ переворотомъ, революціей, однимъ словомъ, совсѣмъ не имѣло того характера, какой ему навязывали очень часто позднѣйшіе ученые.

Начать съ того, что съ чисто внѣшней стороны, которая всего скорѣе могла бы обратить на себя вниманіе массъ, фактъ перехода короны изъ рода каролинговъ въ родъ Роберта Храбраго не заключалъ въ себѣ ничего новаго. На пространствѣ одного столѣтія корона трижды ускользала изъ рукъ каролинговъ и настоящее событіе было уже четвертымъ въ ряду аналогичныхъ ему фактовъ. Въ лицѣ Одона и Роберта, дѣда Гугона Капета, родъ Роберта Храбраго уже дважды овладѣвалъ французскимъ престоломъ, такъ что Гугонъ былъ третьимъ представителемъ этого рода, призваннымъ носить на своемъ челѣ корону Франціи. Къ провозглашенію Гугона королемъ современники этого событія были даже гораздо болѣе подготовлены, чѣмъ ихъ предки къ мысли имѣть своими королями Одона и Роберта. Одоническая легенда продолжала сохранять—за представителями Роберта Храбраго—въ народѣ ореолъ защитниковъ отъ внѣшнихъ враговъ. Ихъ предусмотрительная политика по отношенію къ церкви выѣстѣ съ обширностью ихъ земельныхъ владѣній и богатствомъ, дававшимъ имъ возможность быть болѣе щедрыми владчиками, чѣмъ какими были каролингскіе государи послѣдняго времени, уже давно расположила въ ихъ пользу духовенство, видѣвшее въ нихъ своихъ покровителей ²⁾. Во всѣхъ отношеніяхъ стояли они выше остальныхъ нас-

¹⁾ О томъ, что Гугонъ былъ избранъ въ Санли, коронованъ въ Нойонъ, а не въ Реймсъ, и о датѣ коронаціи мы будемъ говорить въ одномъ изъ приложений имѣющаго появиться втораго отдѣла второй части „Сб. пис. Герб.“

²⁾ Уже менѣе полулѣтѣ спустя послѣ избранія Гугона, Адемаръ, l. III, с. 30 (MGHSS t. IV, p. 129), такъ объясняетъ себѣ причину паденія каролинговъ: „Nam ob hanc causam creditur progenies Caroli reprobata, quia jam diu negligens Dei gratiam, ecclesiarum potius neglectrix, quam erectrix videbatur“.

саловъ французской короны. Послѣдніе не могли не признавать первенства обоихъ Гугоновъ въ смыслѣ военнаго могущества и обширности владѣній, которая уже потому располагала ихъ въ пользу потомковъ Роберта Храбраго, что давала этимъ послѣднимъ возможность щедро награждать своихъ сторонниковъ. Какъ въ отношеніи обширности владѣній, такъ и въ отношеніи военнаго могущества неравенство между каролингами и робертинцами становилось съ теченіемъ времени все больше и больше. Всѣмъ склонялись все ниже и ниже въ сторону послѣднихъ, и Гербертъ не безъ основанія, еще раньше избранія Гугона Капета, называлъ его настоящимъ королемъ Франціи ¹⁾).

Результатъ санлискаго собранія не былъ, такимъ образомъ, самъ по себѣ неожиданностью, не былъ фактомъ безъ прецедентовъ и тѣмъ менѣе могъ произвести особенно сильное впечатлѣніе на умы современниковъ, что не влекъ за собой никакихъ существенныхъ измѣненій въ государственномъ строѣ французскаго королевства или, вѣрнѣе, влекъ за собой такіа измѣненія, которыя обнаружились только впоследствии и которыхъ поэтому никто изъ современниковъ не могъ предвидѣть.

Въ настоящее время намъ извѣстно, что Гуговъ началъ собою новую династію, что династія эта вступила въ борьбу съ феодальнымъ строемъ, который былъ ея колыбелью, и, въ концѣ концовъ, вышла побѣдительницей изъ этой борьбы. Намъ трудно смотрѣть на Гугона иначе, какъ не на основателя славной династіи, получившей начало именно во время совѣщаній въ Санли. Такое значеніе и придаютъ обыкновенно ²⁾ собранію въ Санли, но, по нашему мнѣнію, безъ достаточнаго основанія. Ни откуда не видно, чтобы собраніе въ Санли возложило на голову Капета корону съ правомъ передачи ея по наслѣдству въ его родѣ. Все, напротивъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что французскіе магнаты нисколько не были расположены поступиться своими избирательными правами, которыя, будучи доставлены имъ слабостью королевской власти, все болѣе и болѣе приобрѣтали ха-

¹⁾ Ер. XLVIII.

²⁾ Такъ и *Imchaire*, t. I, p. 28, называетъ избраніе Капета „*changement dynastique*“, не оговариваясь при этомъ, что таковымъ оно оказалось лишь впоследствии; участникамъ же собранія въ Санли оно представлялось фактомъ, аналогичнымъ избранію, напримѣръ, Одоа въ 888 г., то-есть событію, котораго никто не называетъ династической перемѣной. *Havet*, p. XVIII, поэтому напрасно, упоминая о коронаціи Гугона, говоритъ: „*La dynastie capétienne était fondée*“.

рактерь законности. Гугонъ, король по выбору, не могъ безъ внутренняго противорѣчія оспаривать законность этихъ правъ. Еслибы онъ вздумалъ пастанвать въ Сали на послѣдственности королевской власти, многіе изъ тѣхъ, которые были на его сторонѣ, стали бы дѣлать различнаго рода затрудненія, и во главѣ ихъ самъ Адальберонъ. Когда въ концѣ 987 г. Гугонъ задумалъ короновать своего сына, другими словами, захотѣлъ воспользоваться тѣмъ средствомъ удержать корону въ своемъ родѣ, которое было указано еще каролингами, Адальберонъ сталъ дѣлать различнаго рода затрудненія, прикрываясь пустячнымъ предлогомъ, будто бы въ одинъ годъ нельзя короновать двухъ королей. На самомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ такъ потому, что съ точки зрѣнія его политическихъ идеаловъ замѣна во Франціи одной династіи другою, имѣвшею шансы сдѣлаться могуще-ственнѣе первой, нисколько бы не подвинула дѣла Оттоновъ. Въ концѣ концовъ, Адальберонъ долженъ былъ уступить той ловкости, съ какою Гугонъ повелъ это дѣло ¹⁾, но даже и коронованіе сына Гугона, Роберта, въ глазахъ многихъ современниковъ вовсе не было равносильно признанію за Гугономъ и Робертомъ права передавать корону по наследству ихъ дѣтямъ. Еще въ концѣ 989 г. Гербертъ могъ говорить, что Гугонъ и Робертъ, по мнѣнію многихъ, не болѣе какъ короли междуцарствія, „interreges“ ²⁾. Отсюда ясно, что реставрація каролинговъ, подобная тѣмъ, которыя имѣли мѣсто въ 898 и 936 годахъ, казалась многимъ лишь вопросомъ времени. Успѣхъ, выившій на долю Карла въ началѣ его войны противъ Капета,

¹⁾ См. Rich. I. IV, с. 12. Съ подобной же оппозиціей признанію сына короля королемъ при жизни отца мы встрѣчаемся и въ царствованіе Роберта, который объявилъ своимъ наследникомъ сначала своего старшаго сына Гугона, а по смерти Гугона—его брата Генриха. См. Pfister. Robert le Pieux, p. 143. Кромѣ салинской рѣчи Адальберона, избирательность престолонаслѣдія получила общую формулировку и въ „Collectio salomonum“ его современника, Аббона, о чемъ и о стремленіи есеодоловъ удержать за собой право избранія короля см. ibid. p. 142.

²⁾ Ep. X D, 164: „Divi augusti Loth(ar)ii germanus frater (sc. Karolus), heres regni, regno expulsus est. Ejus aemuli, ut opinio multorum est, interreges creati sunt“. Подъ „aemuli“ разумѣются Гугонъ и Робертъ, и сразу надо понимать такъ: „Его соперники избраны, по мнѣнію многихъ, лишь въ короли междуцарствія“. Такъ какъ факты, что Гугонъ и Робертъ были соперниками Карла и что они были избраны въ короли, не есть только мнѣніе многихъ, а сама дѣйствительность, то ясно, что раздѣленіе словъ „interreges“ въ „inter reges“, встрѣчающееся во всѣхъ изданіяхъ (кромѣ Havet, который совершенно основательно сохранилъ чтеніе cod. L и вѣрно объяснилъ его) не даетъ смысла.

поколебалъ увѣренность Герберта и заставлялъ его сомнѣваться въ томъ, точно ли тотъ, кого онъ еще при жизни Лотаря называлъ настоящимъ королемъ Франціи, сльиѣе Карла, который еще такъ недавно представлялся ему съ Адальберономъ полнѣйшимъ ничтожествомъ ¹⁾). Сомнѣніе это и было отчасти причиной двуличной политики Герберта въ 989 году. Успѣхъ Карла казался еще тѣмъ вѣроятнѣе, что въ скоромъ времени нѣмецкая императрица, Теофанія, стала обнаруживать намѣреніе поддержать Карла. Теофанія понимала тогдашнее положеніе дѣлъ во Франціи лучше, чѣмъ Адальберонъ и Гербертъ, ея преданные агенты. Она какъ бы прозрѣвала, что избраніе могущественнаго герцога Франціи сдѣлаетъ, въ концѣ концовъ, не возможной ту политику, которой уже давно по отношенію къ своей западной сосѣдкѣ держались нѣмецкіе императоры и которая несомнѣнно продолжала бы быть возможной, еслибы съ восшествіемъ Карла Франція снова сдѣлалась театромъ борьбы между королевскими правами каролинговъ и могуществомъ герцоговъ Франціи. Итакъ, избирая Гугова себѣ въ короля, участники санлисаго собранія совсѣмъ не имѣли въ виду замѣнить одну династію другою. Мы не хотимъ этимъ сказать, что мысль о возможности основать новую династію не мелькала въ формѣ *primus desiderium* въ головѣ Гугона и тѣхъ его ближайшихъ вассаловъ, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интересами его фамиліи, но эти послѣдніе не могли составлять особенно многочисленную группу въ сравненіи со всѣми участниками санлисаго собранія и должны были сохранять свое *primus desiderium* въ тайнѣ.

Если избраніе Капета не имѣло характера династическаго переворота, то оно не могло имѣть и значенія замѣны франкской, то-есть, германской династіи каролинговъ, которые будто бы никакъ не могли порвать своихъ связей съ Германіей и мѣшали полной независимости Франціи, династіей національной, французской, какъ это представлялось О. Тьерри. Взглядъ Тьерри не находитъ себѣ, впрочемъ, ни малѣйшаго оправданія и въ современныхъ источникахъ. Въ настоящее время уже никто не станетъ ополчаться въ пользу этого взгляда, который можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ опасно читать источники, имѣя въ виду найдти въ нихъ подтвержденіе заранее составленной теоріи. Увлечшись теоріей борьбы расъ, Тьерри и въ избраніи Гугона Капета желалъ видѣть одинъ изъ фазисовъ

¹⁾ См. рѣчь Адальберона на собраніи въ Санли.

этой борьбы. Для него это событие было окончательной победой национальных элементов надъ пришлыми германскими элементами, выразителями которыхъ онъ совершенно напрасно считалъ послѣднихъ каролинговъ ¹⁾. Въ X столѣтіи никто и не думалъ смотрѣть на французскихъ каролинговъ, какъ на германцевъ, да они таковыми и не были. Въ этомъ отношеніи они въ глазахъ своихъ подданныхъ и вассаловъ ничѣмъ не отличались отъ своихъ соперниковъ, герцоговъ Франціи ²⁾. Что касается внѣшней политики, то несомнѣнно, что французскіе каролинги совсѣмъ не олицетворяютъ собой политики зависимости Франціи отъ Германіи. Въ первой половинѣ X столѣтія они думали скорѣе объ обратномъ: они хотѣли возвратить своему славному роду господство надъ страной по ту сторону Рейна и, хотя эти стремленія и заключали въ себѣ, пожалуй, нѣкоторую опасность для національной обособленности Франціи, они однако не могли имѣть антифранцузскаго характера ни въ глазахъ каролинговъ, ни въ глазахъ ихъ подданныхъ. Наслѣдственные права каролинговъ на господство надъ страной по ту сторону Рейна увеличивали, напротивъ того, ихъ престижъ во Франціи и пріятно щекотали національное самолюбіе ихъ приверженцевъ еще и въ концѣ X столѣтія ³⁾, то-есть тогда, когда объ осуществленіи подобныхъ притязаній было бы уже смѣшно думать и каролинги должны были для своей внѣшней политики избрать другую, болѣе реальную, болѣе достижимую цѣль. Такой цѣлью было владѣтельство надъ Лотарингіей. Съ точки зрѣнія каролинговъ это было минимумъ того, на что они имѣли право, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе поддержанія королевскаго престижа во Франціи, такъ какъ долгій опытъ привелъ и каролинговъ, наконецъ, къ убѣжденію, что одни права безъ непосредственныхъ земельныхъ владѣній значатъ очень мало. Такимъ образомъ, Лотарингія сдѣлалась яблокомъ раздора между Германіей и Франціей именно благодаря французскимъ каролингамъ, а борьба изъ-за Лотарингіи, проходящая красной нитью черезъ царствованія Людовика IV Заморскаго, Лотаря и Людовика V, способствовала болѣе, чѣмъ что нибудь другое, національному обособленію Франціи. Итакъ, послѣдніе каролинги вовсе не были сторонниками зависимости Франціи отъ Германіи или даже вообще особенно близкихъ

¹⁾ *Augustin Thierry*, *Lettres sur l'histoire de France*. Lettre XII.

²⁾ *Luchaire*, t. I, p. 25.

³⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 60—63.

отношеній между этими государствами. Ошибка Тьерри заключается въ томъ, что онъ то зависимое положеніе, въ которомъ каролинги стояли на дѣлѣ къ саксонскому дому, принимаетъ за проявленіе ихъ германофильскихъ тенденцій, между тѣмъ какъ оно было для каролинговъ не болѣе, какъ печальнымъ слѣдствіемъ положенія вещей, созданнаго съ одной стороны могуществомъ Оттоновъ, съ другой—чрезмѣрнымъ усиленіемъ представителей рода Роберта Храбраго. Эти послѣдніе держались по отношенію къ Германіи ничуть не независимѣе, чѣмъ каролинги. Въ качествѣ французскихъ королей или герцоговъ Франціи, они не разъ бывали принуждаемы вступать въ союзъ съ нѣмецкими государями и даже признавать ихъ главенство. Относительно же послѣднихъ королей каролингской династіи можно съ полной увѣренностью утверждать, что они были гораздо менѣе расположены ладить съ Оттонами, чѣмъ ихъ соперники, такъ какъ, не смотря даже на несомнѣнное военное превосходство Оттоновъ, не хотѣли отказаться отъ агрессивнаго образа дѣлствій по отношенію къ Лотарингіи ¹⁾, на которую герцоги Франціи не имѣли права, да и не чувствовали нужды предъявлять притязанія. Принимая во вниманіе это послѣднее обстоятельство, нѣкоторые ученые высказали въ послѣднее время относительно избранія Капета взглядъ, который діаметрально противоположенъ взгляду Тьерри. Ученые, придерживающіеся этого новаго взгляда, утверждаютъ, что избраніе Гугона произошло не безъ поддержки со стороны Германіи и что цѣною этой поддержки было формальное отреченіе Гугона отъ всѣхъ каролингскихъ притязаній, то-есть, перевода на языкъ конца X столѣтія, главнымъ образомъ отъ агрессивной политики по отношенію къ Лотарингіи, почему будто бы и самое избраніе Гугона воиолѣе соответствовало интересамъ Германіи ²⁾.

По нашему мнѣнію, выгоды, которыхъ могла бы ожидать для себя Германія отъ избранія Капета, проблематичны и, во всякомъ случаѣ,

¹⁾ *Luchaire*, t. I, p. 25.

²⁾ *Ollivier*, p. XCVIII: „L'abandon de la Lorraine que la nouvelle dynastie ne songera pas à réclamer pendant des siècles (?), tandis que Louis et Lothaire l'avaient revendiquée avec tant d'obstination,—paraît avoir été le prix tacite de cette complaisance“ (нѣмецкаго двора къ Капету).—*G. Monod* думаетъ (*Revue hist.* t. XXIX, 1885, p. 233), что „Hughes Capet est monté sur le trône avec l'appui (?) des Allemands et le prix de leur alliance (?) a été l'abandon de toute revendication sur la Lorraine“. У *Havet*, p. XVIII, отказъ Гугона отъ Лотарингіи вляется уже въ числѣ условій того мира съ Германіей, о которомъ Горбертъ упоминаетъ въ ер. С.

не уравновѣшиваютъ невыгодъ. Эти проблематическія выгоды сводятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ.

Вопервыхъ, съ избраніемъ Гугона сходила со сцены,—на время по крайней мѣрѣ (мы позволимъ себѣ повторить еще разъ, что участники собранія въ Савли не имѣли въ виду основать новую династію и возвращеніе каролинговъ къ власти, кажущееся теперь абсурдомъ, не могло представляться такимъ въ серединѣ 987 года),—царственная династія каролинговъ, а вмѣстѣ съ этимъ теряло точку опоры и то успѣвшее принять національную французскую окраску ученіе, по которому императорскій титулъ и власть надъ Европой должны были принадлежать по преемству отъ предковъ французскимъ каролингамъ. Но кто повѣритъ тому, чтобы это ученіе могло внушать серьезныя опасенія нѣмецкимъ государямъ, особенно съ того времени и когда они въ лицѣ Оттона I возложили на себя императорскую корону и сдѣлались могущественнѣйшими государями Европы? Весьма сомнительно, чтобы нѣмецкіе императоры, которымъ Людовикъ Заморскій былъ обязанъ своей короною, которые облагодѣтельствовали Карла, брата Лотаря, принявъ его въ число своихъ вассаловъ, которые уже дважды проходили Францію до Парижа съ огнемъ и мечемъ,—чтобы эти могущественные люди могли въ присутствіи каролинговъ чувствовать себя „немножко герцогами Саксоніи“, какъ это представляется одному французскому ученому ¹⁾. Будучи вполнѣ дѣтьми своего вѣка, когда сила и фактъ часто совершенно сливались съ правомъ, Оттоны, надо полагать, мало заботились о политическихъ ученіяхъ. Съ этой точки зрѣнія новое несчастіе каролинговъ могло быть на руку развѣ такимъ теоретикамъ недавно возставленной имперіи, какими были Гербертъ съ Адальберономъ.

Вовторыхъ, отъ Гугона нельзя было ожидать, чтобы онъ сразу же усвоилъ себѣ ту политику по отношенію къ Германіи, какой придерживались послѣдніе каролинги. Въ первые, по крайней мѣрѣ, годы своего царствованія Гугонъ по всѣмъ расчетамъ долженъ былъ искать случая заключить миръ съ Германіей. Въ виду приготовленій Теофапіи къ походу на Францію, и Людовикъ уже сталъ обнаруживать болѣе миролюбивыя наклонности. На собраніи въ Компьенѣ, происхо-

¹⁾ *Sepet*, Gerbert, 1870, p. 27: „les fils de Henri l'Oiseleur se sentirent toujours(?) un peu ducs de Saxe en face de Carolingiens“. Зато *Sepet* совершенно справедливо придерживается мнѣнія, что окончательное торжество герцоговъ Франціи надъ каролингами не было въ интересахъ Германіи.

дившемъ въ концѣ марта 987 г., вопросъ о мирѣ съ Германіей былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, былъ даже назначенъ съѣздъ по этому поводу въ Монфоконѣ на 25-е мая; затѣмъ, стараніями Адальберона и Герберта проектъ съѣзда въ Монфоконѣ былъ похороненъ, взаимнъ чего реймскіе политики, успѣвшіе захватить въ свои руки нить этихъ переговоровъ, уже выработывали новый проектъ. Смерть Людовика прервала на время дипломатическія сношенія съ Германіей ¹⁾. Такимъ образомъ, миръ съ Германіей, который былъ заключенъ чуть ли не въ первый мѣсяцъ царствованія Капета, есть въ сущности завершеніе дѣла, начатаго еще при Людовикѣ, и не является поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ Франціи къ Германіи. Возможно сомнѣваться даже и въ томъ, чтобы условія мира съ Гугономъ были многимъ выгоднѣе тѣхъ, на которыя былъ бы въ концѣ концовъ принужденъ согласиться Людовикъ, еслибы смерть не похитила его такъ рано. Мы, впрочемъ, не станемъ оспаривать того факта, что Гугонъ, какъ человѣкъ новый на престолѣ, долженъ былъ болѣе каролинговъ дорожить дружбою Германіи. Несомнѣнно даже, что онъ съ своей стороны прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить добрыя отношенія къ своей могущественной сосѣдкѣ. Все это нисколько не мѣшаетъ намъ утверждать, что Гугонъ дѣйствовалъ такимъ образомъ не вслѣдствіе какогонибудь соглашенія съ Германіей, по которому онъ будто бы отказался отъ агрессивной политики каролинговъ по отношенію къ Лотарингіи, а исключительно по простому политическому расчету, и что въ Германіи его миролюбіе цѣнилось весьма дешево. Что касается отказа отъ притязаній на Лотарингію, то онъ есть просто гипотеза, не имѣющая подъ собой твердой почвы. Гугонъ, дѣйствительно, не нападалъ на Лотарингію. Слѣдуетъ ли отсюда, что онъ отказался отъ этого политическаго наслѣдія каролинговъ, пріемыши продолжателями которыхъ онъ и его сынъ себя считали, и не значить ли это просто, что, занятый въ достаточной мѣрѣ внутренними дѣлами, онъ не имѣлъ возможности вести активную внѣшнюю политику? Когда королевская корона сдѣлалась прочнымъ достояніемъ рода Роберта Храбраго, притязанія на владчество надъ Лотарингіей снова выступили на сцену. Если сынъ и внукъ Капета не предприняли по примѣру Людовика Заморскаго и Лотаря похода на Лотарингію, то этому помѣшало только неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ ²⁾. Вопросъ о

¹⁾ Сб. пис. Герб. ч. II, отд. I, стр. 412—420.

²⁾ *Luchaire*, t. II, pp. 215, 227; *Pfister*, p. 355.

томъ, какъ относились въ Германіи къ этимъ попыткамъ капетинговъ возвратиться къ внѣшней политикѣ каролинговъ, не подлежитъ здѣсь нашему разсмотрѣнію. Для насъ важно указать на то, что, какъ мы только что говорили, миролюбіе Гугона Капета имѣло весьма малую цѣну въ глазахъ германскаго правительства, что, слѣдовательно, около времени избранія Капета, въ Германіи уже не особенно боялись новыхъ нападений французовъ на Лотарингію, не сомнѣвались въ томъ, что всѣ попытки въ этомъ направленіи не представляютъ никакой серьезной опасности. Въмѣсто того, чтобы идти съ радостью на встрѣчу миролюбивымъ предложеніямъ Капета, Теофанія, воспользовавшись обстоятельствами для заключенія выгоднаго мира съ Франціей, о которомъ шли переговоры еще при Людовикѣ, отворачивается отъ Капета, оставляетъ протянутую имъ для дружескаго пожатія руку въ воздухъ и, въ концѣ концовъ, входитъ въ сношенія съ партией, стремившейся къ реставраціи каролинговъ ¹⁾. Отсюда ясно, что, если въ Германіи и рассчитывали на перемѣну во внѣшней политикѣ Франціи со вступленіемъ на престолъ Гугона Капета, то и въ этомъ послѣднемъ отношеніи исчезновеніе каролинговъ совсѣмъ не разсматривалось тамъ, какъ серьезная выгода, которая уравновѣшивала бы невыгодныя слѣдствія этого событія.

Итакъ, участники санлискаго собранія, соединяя свои голоса на Гугона Капета, дѣйствовали столь же мало по импульсу изъ Германіи ²⁾, сколь мало они руководились нерасположеніемъ къ чужеземной династіи завоевателей, какими представлялись Тьерри каролинги.

Наконецъ, третьихъ, нѣкоторые сторонники Германіи могли привѣтствовать избраніе Гугона Капета, какъ новое торжество избирательнаго принципа, который при послѣднихъ каролингахъ грозилъ выродиться въ простое признаніе со стороны магнатовъ королемъ сына царствующаго короля ³⁾, иногда еще при жизни отца. Торжество избирательнаго принципа во Франціи было, дѣйствительно, въ интересахъ Германіи, такъ какъ оно влекло за собой возможность частыхъ беспорядковъ при избраніи короля, другими словами, ослабляло Францію ⁴⁾. Избраніе Капета совсѣмъ не представлялось участ-

¹⁾ См. стр. 159.

²⁾ Еще рѣшительнѣе, чѣмъ *Olleris*, *Monod* и *Havet* (см. стр. 154, прим. 2), высказывается въ этомъ смыслѣ *Pfister*, p. 355: „Hugues Capet triompha parce qu'il avait pour lui l'appui des Ottons“.

³⁾ Ср. *Colombier*. Gerbert (*Etudes religieuses*, IV série, t. III), p. 251.

⁴⁾ О существованіи въ концѣ X столѣтія такого взгляда на избирательное

никакъ саплицкаго сѣзда основаніемъ новой династіи. А еслибы престолъ Франціи сдѣлался чисто избирательнымъ, то кто могъ бы помѣшать нѣмецкому королю выступить современемъ въ качествѣ кандидата на французскій престолъ и, приобрѣтя себѣ посредствомъ угрозъ и подарковъ достаточное количество сторонниковъ въ средѣ избирателей, провести свое избраніе? Тогда великое дѣло „собранія имперіи“, начатое Оттономъ I, было бы достойно закончено. Такія несбыточныя надежды должно было, какъ мы ниже увидимъ, возбудить избраніе Гугона въ головѣ такихъ преданныхъ слугъ имперіи, какими были Адальберонъ и Гербертъ.

Но Теофанія смотрѣла на это дѣло трезвѣе. Она имѣла, повидимому, довольно ясное представленіе о силѣ національной партіи во Франціи и не обманывалась относительно того, что Гуговъ не преминетъ приложить всѣ свои старанія къ тому, чтобы сдѣлать королевскую власть наслѣдственной въ своемъ родѣ. Коронація сына Гугона, Роберта, имѣвшая мѣсто всего лишь нѣсколькими мѣсяцами позже коронаціи самого Гугона, оправдывала эти опасенія, которыя, какъ это видно изъ недружелюбной политики Теофаніи по отношенію къ Франціи, перевѣшивали въ ея головѣ всѣ сомнительныя выгоды, пронстекавшія отъ перемѣны на престолѣ Франціи.

И Теофанія была права. Результатъ совѣщаній въ Санли далеко не соответствовалъ интересамъ Германіи. Кромѣ того, что мѣсто слабыхъ французскихъ королей, каковыми были послѣдніе каролинги, заступалъ могущественный герцогъ Франціи, чего уже одного было бы достаточно для того, чтобы возстановить противъ него германское правительство, избраніе Гугона уничтожало во Франціи политическій дуализмъ, благодаря которому Германія, начиная со времени Оттона I, могла оказывать все большее и большее давленіе на свою западную сосѣдку, а иногда даже и распоряжаться въ ней такъ, какъ будто это была одна изъ провинцій имперіи¹⁾). Можно было опасаться, что съ воцареніемъ Гугона этотъ мощный рычагъ для вліянія на французскія дѣла ускользнетъ изъ рукъ руководителей нѣмецкаго государства и притомъ навсегда. Съ этой точки зрѣнія воишнѣ объяс-

престолонаслѣдіе заключаемъ изъ словъ Гугона, которыми, по разказу Рихера (I. IV с. 12), онъ убѣждалъ Адальберона согласиться на коронацію его сына, Роберта: „Fieri quoque assercbat posse, rege interempto et patria desolata, primatum discordiam, pravorum contra bonos tiranuidem et inde totius gentis captivitatem“. Ср. Pfister, p. 143.

¹⁾ См. Об. исс. Герб. ч. II, отд. I, стр. 67, 68 и слѣдующія.

няется вся дальнѣйшая политика Теофанія, которая, при предположеніи, что избраніе Гугона было въ интересахъ Германіи, оставалась бы въ высшей степени загадочной. Когда Карлъ началъ войну противъ Гугона, Теофанія, ловко пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Карлъ былъ вассаломъ Оттона III, выѣзжаетъ во французскія дѣла и дѣлаетъ попытку взять на себя роль верховнаго судьи въ этой распрѣ. Попытка эта не удается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе противодѣйствія Карла, между тѣмъ какъ Гугонъ былъ, повидному, готовъ принять посредничество нѣмецкой императрицы ¹⁾. Не смотря на это, Теофанія все болѣе и болѣе склоняется на сторону Карла. До самой своей смерти, послѣдовавшей въ срединѣ 991 года, она не прекращаетъ дѣятельныхъ сношеній съ каролингской партіей ²⁾. Вскорѣ послѣ Теофанія умираетъ въ орлеанской тюрьмѣ Карлъ; въ его лицѣ каролингская партія лишается своего послѣдняго предводителя, сумѣвшаго сгруппировать около себя всѣ силы партіи. Это обстоятельство не только не примиряетъ Германію съ Гугономъ, но приводитъ, повидному, только къ тому, что въ Германіи начинаютъ внимательнѣе выслушивать предложенія, при посредствѣ которыхъ можно было прійти къ окончательной цѣли нѣмецкой политики болѣе прямой дорогой. Такъ, мы знаемъ, что въ 995 году былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью положить копецъ политической самостоятельности французскаго королевства. Во главѣ заговора стоялъ Асцелинъ (или Адальберонъ) Ланскій, который сносился по этому поводу съ правительствомъ Оттона III и Одономъ, графомъ Шартрскимъ. По плану Асцелина, Оттонъ долженъ былъ захватить въ плѣнъ Гугона

¹⁾ См. ср. СХХ.

²⁾ О сочувствіи Теофанія Карлу и близкихъ сношеніяхъ между Карломъ и Арнульфомъ, его племянникомъ, преемникомъ Адальберона Реймсаго, съ одной стороны и Теофаніей съ другой, свидѣлствуютъ срр. СХХVIII, СХХХII, III D 157, IV D 158, VI D 160, и Syn. Rem. c. 51: „Theophaniae ac hostium regis (партія Карла) colloquia contra ipsius regis (Hugonis) voluntatem et utilitatem Arnulfum exretisse“. Были, впрочемъ, и минуты охлажденія къ Карлу ср. СХХХII) и даже попытки сближенія съ Гугономъ (ср. СХХ, СХХХVIII). Такъ какъ государствомъ въ 987 году вѣсто семилѣтняго Оттона правила Теофанія, то нельзя говорить, что правительство нѣмецкаго императора „ne se voyait nullement intéressé à leur (каролингамъ) tendre la main dans cette suprême conjoncture. Il inclinait plutôt du côté ou se trouvaient Gerbert et Adalbéron“, какъ это дѣлаетъ *Luchaire*, t. I, p. 19. На самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ, не нѣмецкое правительство склонялось на сторону Герберта и Адальберона, а эти послѣдніе, ратуя за Гугона, думали, что стоятъ на сторонѣ Теофанія, но ошибаясь.

и Роберта, которые собирались въ то время ѣхать въ Лотарингію, чтобы присутствовать на музонскомъ соборѣ. Затѣмъ Оттонъ возложилъ бы на себя корону Франціи, Асцелина назначилъ бы рейскимъ архіепископомъ, а Одона герцогомъ Франціи ¹⁾).

Изъ всего только-что сказаннаго естественно вытекаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли на санликское избраніе смотрѣть, какъ на побѣду національно-государственныхъ интересовъ надъ интересами каролингско-династическими; другими словами, не было ли оно проявленіемъ проникшаго въ умы большинства избирателей сознанія, что политическій дуализмъ повлечетъ за собою гибель государства, ослабляя силу его сопротивленія давленію извнѣ, и что въ интересахъ государства отдать преимущество тому изъ соперниковъ, который сильнѣе? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ дать утвердительный отвѣтъ и что сознанію участниками санлисакаго сѣзда опасности, грозившей имъ съ востока, придается обыкновенно слишкомъ малое значеніе ²⁾. Развѣ къ 987 году могли быть забыты походы Оттона I и II въ глубь Франціи, къ Парижу ³⁾, живымъ напоминаніемъ о которыхъ были распространившіеся весной 987 года слухи о намѣреніи Теофанія вторгнуться съ войскомъ во Францію ⁴⁾? Къ концу X столѣтія національное самосознаніе уже было достаточно сильно во Франціи, главнымъ образомъ, именно какъ оппозиція все усиливавшемуся германскому вліянію. Избраніе Капета было несомнѣнно въ весьма значительной степени актомъ этого національнаго самосознанія, хотя и не въ томъ узко-расовомъ смыслѣ, какъ это представлялось Тьерри. Каролинги совсѣмъ не были представителями германскаго элемента и сами по себѣ далеко не олицетворяли собой

¹⁾ Rich. I. IV сс. 96, 97.

²⁾ Такъ *Luchaire*, t. I, хотя и упоминаетъ о заслугахъ предковъ Капета передъ „націей“ въ борьбѣ съ внѣшними врагами государства (р. 28), хотя и обращаетъ вниманіе на то, что французскіе феодалы видѣли въ робертинцахъ „des chefs capables de les défendre contre les ennemis du dehors“ (р. 24), что Капетъ былъ „le seul capable de diriger ses (de la nation) destinées et de la défendre efficacement contre l'étranger“ (р. 20), однако, въ концѣ концовъ, становится на такую точку зрѣнія, какъ будто феодалы сами по себѣ не чувствовали необходимости въ сохраненіи королевской власти какъ государственнаго учрежденія. Она была, по его мнѣнію, сохранена не потому, что была прямой необходимостью, а потому, что была римской традиціей и поддерживалась духовенствомъ.

³⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 69, 106—110.

⁴⁾ Ср. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 413.

политики, которая мѣшала бы дальнѣйшему національному обособленію Франціи, но къ концу X-го вѣка обстоятельства сложились такимъ образомъ, что, удержись каролинги у власти и не перейди французская корона къ могущественному герцогу Франціи, политическій дуализмъ, ослаблявшій Францію, продолжалъ бы жить, и страна эта все болѣе и болѣе подчинилась бы вліянію Германіи. Въ данномъ случаѣ интересы феодальные, съ точки зрѣнія которыхъ замѣна слабого короля могущественнымъ была бы нежелательной, уступили мѣсто интересамъ государственнымъ. Къ тому же, въ концѣ X-го вѣка положеніе дѣлъ было таково, что феодалы не могли не принимать въ соображеніе интересовъ государственныхъ, такъ какъ эти послѣдніе были въ извѣстномъ смыслѣ связаны съ феодальными. Избраніе Гугона давало право рассчитывать, если не на дальнѣйшій прогрессъ феодализма, то, по крайней мѣрѣ на вѣкоторое время, на феодальный status quo, между тѣмъ какъ сохраненіе короны за слабыми каролингами вело косвеннымъ образомъ къ преобладанію Германіи, вѣроятные результаты котораго мало заключали въ себѣ успокоительнаго для французскихъ феодаловъ, поставленныхъ въ необходимость изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ избирать меньшее. Безопасность государства, лицемѣрную заботливость о которой Адальберонъ выставлялъ на собраніи въ Санли, какъ единственный мотивъ, руководившій буд-то бы имъ, была бы болѣе обезпечена, еслибы на этомъ собраніи корона была объявлена наследственной въ родѣ Гугона Капета. Избирательное престолонаслѣдіе могло сдѣлаться причиною междоусобныхъ смуть и, наконецъ, не устранило возможности возвращенія короны каролингамъ или перехода ея къ другой какой нибудь могущественной фамилии, что въ обоихъ случаяхъ было бы равносильно восстановленію губительнаго дуализма. Но феодалы не были нисколько расположены отказать отъ своихъ избирательныхъ правъ. Это было не послѣдовательно, но за то вполне естественно. Борьба феодальныхъ интересовъ съ общегосударственными, происходившая въ нихъ, лишала ихъ возможности быть вполне послѣдовательными.

Итакъ, избраніе Гугона, даже при предположеніи, что онъ въ своемъ управленіи будетъ всецѣло руководиться каролингскими принципами, будетъ такъ же понимать сущность королевской власти, какъ ее понимали каролинги, совсѣмъ уже не такъ сильно противорѣчило интересамъ французскихъ феодаловъ, чтобы для объясненія этого избранія была необходимость замѣнять расовую теорію Тьерри теоріей феодальной, которая еще въ недавнее время имѣла много сторонни-

ковъ. Теперь неосновательность этой послѣдней можетъ считаться столь же хорошо доказанной, какъ и ложность первой. Избирая Гугона, участники собранія въ Санли не могли рассчитывать на то, что этотъ король, вышедшій изъ феодальной среды, будетъ иначе понимать сущность королевской власти, чѣмъ ее понимали каролинги, что онъ не только не станетъ мѣшать полному торжеству феодального строя, но даже будетъ стремиться къ этому. Примѣры Родольфа, Роберта и особенно Одона не оставляли сомнѣній относительно того, что, подобно этимъ королямъ, Гуговъ, возложивъ на себя корону, станетъ выше феодального строя, отдѣлитъ свои интересы отъ феодальныхъ и вступить съ ними въ борьбу совершенно такъ же, какъ это дѣлали каролинги. Однимъ словомъ, избранію Капета участники собранія въ Санли не могли придавать значенія торжества феодальныхъ началъ ¹⁾).

Вообще же, событіе это не было ни въ какомъ отношеніи рѣзкимъ переворотомъ, революціей. Объяснить его значить, въ сущности, отвѣтить на вопросъ, почему санлискіе избиратели, въ распоряженіи которыхъ находилась *de facto* французская корона, остановились на томъ изъ двухъ возможныхъ кандидатовъ на престолъ, который былъ могущественнѣе и который поэтому могъ оказать большее сопротивленіе дальнѣйшему развитію феодального строя, столь дорогаго большинству избирателей. Другими словами, гдѣ лежитъ причина предпочтенія, оказаннаго Гугову передъ Карломъ? Кромѣ могущества Гугона, которое не могло не оказывать на французскихъ феодаловъ извѣстнаго вліянія даже въ ущербъ ихъ собственнымъ интересамъ, главная причина избранія герцога Франціи и отстраненія герцога Нижней Лотарингии, каролинга Карла, есть, по нашему мнѣнію, патріотическое чувство, которое росло какъ естественная оппозиція нѣмецкому преобладанію. Оно было дѣломъ, главнымъ образомъ, сѣверной Франціи, которая много пострадала отъ нѣмецкаго вмѣшательства, и встрѣтила всего болѣе оппозицію тамъ, гдѣ грозившая съ востока опасность не могла представляться съ такой ясностью, а именно въ земляхъ къ югу отъ Лоары. Феодалы, враждовавшіе между

¹⁾ *Luchaire*, t. I, p. 14. Для характеристики отношенія Гугона къ феодальному строю позволимъ себѣ указать на еантъ, вытекающій изъ весьма вѣроятнаго объясненія ep. CXIV: оказывается, что сынъ Арнульва II, маркиграва Фландрій, Валдуинъ, получалъ земли своего отца „*regio dono*“, то-есть, въ даръ отъ Капета.

собой въ-за своихъ личныхъ интересовъ и по тѣмъ же побужденіямъ составлявшіе постоянную оппозицію усиленію королевской власти, соединились въ сознаніи, что дальнѣйшее продолженіе борьбы каролингговъ съ робертинцами грозитъ серьезною опасностью самому существованію государства, можетъ привести къ такому перевороту, при которомъ интересы французскихъ феодаловъ будутъ принесены въ жертву интересамъ нѣмецкихъ. Такимъ образомъ, избраніе Гугона не есть фактъ феодальнаго порядка, какъ такового. Оно явилось слѣдствіемъ національно-государственнаго движенія, которое шло рука объ руку съ феодальнымъ и нисколько не было остановлено этимъ послѣднимъ. Участники съѣзда въ Санли стали, однимъ словомъ, на ту точку зрѣнія, на которую имъ лицемѣрно предлагалъ стать Адальберонъ, въ своемъ обращеніи къ нимъ воскликнувшій: „Если желаете государству благополучія, коронуйте славнаго герцога Гугона“. Они желали государству благополучія.

Упуская изъ виду нарождавшуюся національную силу, дѣйствовавшую въ отпоръ надвигавшемуся германизму, и полагая, что сущность государственной жизни X вѣка исчерпывалась феодальнымъ движеніемъ, нѣкоторые ученые при обсужденіи избранія Капета становились на точку зрѣнія, которая, по нашему мнѣнію, не соответствуетъ истинному положенію вещей въ 987 г. Они не только старались дать отвѣтъ на вопросъ, почему Гугонъ былъ предпочтенъ Карлу, но ставили себѣ еще и другой вопросъ, который можно формулировать слѣдующимъ образомъ: почему феодалы, которыхъ ближайшіе интересы не уживались съ интересами королевской власти, нашли вообще нужнымъ приступить къ избранію новаго короля? Какъ будто бы въ X столѣтіи въ головахъ феодаловъ, особенно въ виду увеличивавшагося могущества саксонской династіи, могла мелькнуть мысль о возможности совершеннаго уничтоженія королевской власти, какъ государственнаго учрежденія!

Отвѣтомъ на этотъ, по нашему мнѣнію, неправильно поставленный вопросъ служатъ два слѣдующіе взгляда на избраніе Капета.

Нѣкоторые полагаютъ, что избраніе Капета было дѣломъ крупныхъ вассаловъ, которые нуждались будто бы въ королевской власти для защиты своихъ правъ противъ поползновеній мелкихъ, зависящихъ отъ нихъ вассаловъ ¹⁾. Но предполагать, что уже въ X сто-

¹⁾ См., напримеръ, *Kalkstein*, *Gesch. d. fr. Königthums*, 1877, t. I, p. 385: „Sie bedurften einer Spitze der Lehnshierarchie den Aftervassallen und Unterthanen gegenüber“.

лѣтѣмъ существовалъ такой взглядъ на королевскую власть, значило бы переносить стройную систему феодальныхъ отношеній, выработавшуюся къ XIII столѣтію, въ X вѣкъ, на что, по справедливому замѣчанію одного новѣйшаго ученаго ¹⁾, нѣтъ никакихъ основаній. Да и всегда-ли могли крупные вассалы въ своихъ столкновеніяхъ съ зависащими отъ нихъ мелкими рассчитывать на содѣйствіе королевской власти? Нѣтъ. Союзъ мелкихъ вассаловъ съ королемъ противъ крупныхъ вассаловъ— вещь въ X столѣтіи довольно обыкновенная. Мы не рѣшимся однако утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ же новѣйшимъ ученымъ, что феодальное движеніе IX и X столѣтія не реагировало на королевскую власть, совсѣмъ ее не вовлекало въ свою сферу и что это движеніе „могло окончиться образованіемъ десяти или двѣнадцати большихъ княжествъ, между которыми раздѣлялись французскія земли, и обойдти монархическій институтъ, какъ элементъ чуждый и даже враждебный, при чемъ это нисколько бы не повредило новому режиму“. „Намъ кажется,—продолжаетъ тотъ же ученый,—что, совершенно напротивъ, отсутствіе короля только одно и могло, логически, дать полное удовлетвореніе феодальнымъ интересамъ, разъ послѣдніе стали преобладающими“ ²⁾. Такой взглядъ на отношеніе феодальнаго движенія къ королевской власти намъ представляется нѣсколько смѣлымъ. Чѣмъ же регулировались бы въ такомъ случаѣ взаимныя отношенія этихъ „десяти или двѣнадцати княжествъ“? Большіе вассалы, дѣйствительно, весьма часто не оказывали королю должнаго повиновенія, когда это было не въ ихъ интересахъ. Тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ своими соперниками они любили имѣть короля на своей сторонѣ. Королевское согласіе давало въ ихъ глазахъ санкцію законности тѣмъ ихъ пріобрѣтеніямъ, незаконность которыхъ они сами не могли не признавать. Даже вступая во владѣніе наследственными землями, феодалы не пренебрегали королевскимъ согласіемъ, которое вмѣстѣ съ силой ихъ собственнаго оружія должно было защищать ихъ отъ хищныхъ инстинктовъ ихъ недремавшихъ соперниковъ. Вообще сомнительно, чтобы французскіе феодалы, не смотря на всю свою склонность прибѣгать къ оружію какъ къ *ultima ratio*, могли желать установленія такого порядка вещей, при которомъ, кромѣ этой *ultima ratio*, не существовало бы уже никакой другой силы для регулированія ихъ взаимныхъ отношеній. Не будучи явленіемъ феодальнаго порядка,

¹⁾ *Luchaire*, t. I, pp. 28, 29.

²⁾ *Luchaire*, t. I, p. 29.

стоя сама по себѣ внѣ круга феодальныхъ отношеній, выше его, королевская власть была часто непріятнымъ стѣсненіемъ для отдѣльныхъ феодаловъ, но ихъ общимъ интересамъ она врядъ-ли на столько противорѣчила, чтобы дальнѣйшее ея существованіе было для нихъ безразлично, или чтобы они могли помышлять о возможности ея уничтоженія, — мысль, которая намъ представляется невозможной для Франціи X вѣка. Но если королевская власть сама по себѣ и не была учрежденіемъ не пугливымъ для феодальной Франціи X вѣка, то врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что избраніе въ короли такого могущественнаго человѣка, какъ Гугонъ, не только не было въ интересахъ феодаловъ, но даже грозило имъ серьезной опасностью; другими словами, избраніе Гугона не можетъ быть объяснено изъ соображеній феодальнаго характера, — для объясненія его нужно обратиться изъ сферы феодальной въ сферу національно-политическую, какъ это и сдѣлано нами выше.

Другой взглядъ на избраніе Гугона, обязанный своимъ происхожденіемъ той же неправильной — по нашему мнѣнію — постановкѣ вопроса, состоитъ въ слѣдующемъ: избраніе это было, будто бы, главнымъ образомъ, дѣломъ церкви, носительницы римскихъ монархическихъ традицій ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что въ 987 г. дѣло шло совсѣмъ не о томъ, избирать-ли вообще короля, или нѣтъ, а лишь о томъ, кому быть королемъ, весьма сомнительно, чтобы церковь оказала въ силахъ навязать феодаламъ когонибудь въ короли, еслибы эти феодалы считали дальнѣйшее существованіе королевскаго института прямо для себя невыгоднымъ. Сомнительно затѣмъ, чтобы самый этотъ институтъ былъ въ концѣ X столѣтія лишь римской традиціей. Вопервыхъ, прошло уже достаточно времени для того, чтобы это учрежденіе успѣло принять національную окраску и сдѣлаться національной традиціей, если уже видѣть въ немъ только традицію. Повторяемъ, развѣ въ странѣ, раздираемой взаимными распрями феодаловъ, угрожаемой извнѣ, съ востока и юга (припомнимъ взятіе Барцелоны сарацинами въ 985 г.), какой была Франція въ концѣ X вѣка, потребность въ нѣкоторой централизаціи, удовлетворяемая королевскимъ институтомъ, не можетъ быть объяснена и безъ обращенія къ традиціямъ? Королевскій институтъ не былъ только традиціей, а прямой необходимостью для Франціи, какъ для національнаго государства, уже ясно отдѣлявшаго свои интересы отъ интересовъ осталь-

¹⁾ *Luchaire*, t. I, pp. 20, 30.

ныхъ частей бывшей монархіи Карла Великаго. Церкви уже потому нечего было выступатьъ въ защиту этого института, что самая мысль о совершенной его отмінѣ врядъ-ли могла мелькнуть въ то время въ головахъ участниковъ санлискаго собранія.

Оставляя вопросъ о королевскомъ институтѣ вообще въ сторонѣ и обращаясь въ частности къ самому факту избранія Капета и устраненія его соперника, Карла, нельзя не признать, что своимъ торжествомъ Капеты были въ значительной степени обязаны духовенству, которое въ лицѣ наиболѣе видныхъ своихъ представителей было его вѣрнымъ союзникомъ, хотя и здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Не надо, впрочемъ, упускать, какъ это часто дѣлается, изъ виду, что и въ средѣ духовенства была партія, враждебная Гугону. О значительности ея свидѣлствуетъ то обстоятельство, что къ ней принадлежалъ Сигуинъ, архіепископъ Сауса ¹⁾, пользовавшійся большимъ вліяніемъ во Франціи, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что санское архіепископство не мирилось съ первенствомъ реймскаго и часто его у него оспаривало. Вотъ-рыхъ, и въ числѣ сторонниковъ Капета, вышедшихъ изъ среды духовенства, необходимо различать двѣ фракціи, для которыхъ избраніе Капета имѣло далеко не одинаковое значеніе. Представителями большей части французскаго духовенства, сочувствовавшаго Гугону, обыкновенно называютъ Адалъберона, архіепископа реймскаго, Герберта и Арнульфа, епископа орлеанскаго, который присутствовалъ въ 981 г. при свиданіи Гугона съ Оттономъ II въ Римѣ. Анекдотъ относительно его пребыванія въ Римѣ, разказанный Рихеромъ, свидѣлствуетъ о томъ, что уже въ то время онъ былъ извѣстенъ во Франціи за приверженца Гугона и вмѣстѣ за истаго патріота, умѣвшаго не только прозрѣвать нѣмецкія притязанія на преобладаніе во Франціи, но и дѣлать тщетными интриги, направленныя къ этой цѣли ²⁾. Не видя въ Адалъберонѣ, Гербертѣ и Арнульфѣ главныхъ виновниковъ избранія Капета, какими они представляются тѣмъ, кто приписываетъ это избраніе исключительно вліянію духовенства ³⁾, мы не

¹⁾ См. ep. CVII.

²⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 120, 121. Объ Арнульфѣ, какъ о приверженцѣ Капета, и о его роли при избраніи Капета см. *Certain. Arnoul, évêque d'Orléans* (Bibl. de l'Ec. des Ch. série 3, t. IV, p. 439). *Certain* справедливо считаетъ его „au nombre des zélés partisans de la révolution (?) qui donna le trône de France à la famille des Capets“.

³⁾ *Luchairs*, t. I, p. 30, который при этомъ отказывается вѣрить свидѣтель-

станемъ отрицать очевиднаго факта, что Гуговъ былъ имъ, особенно первому изъ нихъ, болѣе двухъ другихъ вліятельному, многимъ обязанъ. Мы ставимъ вопросъ, были ли эти три лица дѣйствительно такъ солидарны между собою, какъ это до сихъ поръ думали? Мы уже достаточно познакомились съ политическими взглядами Адальберона и Герберта, чтобы на этотъ вопросъ дать, не колеблясь, отрицательный отвѣтъ. Еслибы, вмѣсто Арнульфа, съ Гугономъ ѣздилъ въ Римъ Адальберонъ или Гербертъ, они вели бы себя тамъ такимъ образомъ, что для разказовъ въ родѣ того, героемъ котораго является Арнульфъ, навѣрно не было бы повода. Вассальная зависимость Гугона отъ Оттона II, возможность которой такъ ужасала Арнульфа, была вещь желательной для такихъ приверженцевъ императорской фамиліи, какими были Гербертъ и Адальберонъ. Избраніе же Гугона въ король не заключало, само по себѣ взятое, ровно ничего радостнаго для нихъ. Съ ихъ точки зрѣнія Гуговъ былъ, въ концѣ концовъ, не болѣе, какъ еще одинъ король, избранный въ ущербъ ните-

ству самого Адальберона, не признававшаго за собой такого исключительнаго вліянія на королевскіе выборы: „*Nam quis eram, ut solus regem imponerem Francis? Publica sunt haec negotia, non privata*“ (ep. CXXII). Относительно этихъ словъ Luchaire говоритъ: „*Cette modestie de tradition tout ecclésiastique, ne peut donner le change à l'opinion. Croisons-en plutôt Gerbert, qui parle quelque part des efforts de sa politique active et pleine de ressources „pour faire revivre la dignité royale, presque morte aux yeux des Français“.* Но слова ep. XI D 165: „*Regium nomen, quod apud Francos paene mortuum est, magnis consiliis, magnis viribus resuscitasset*“ не могутъ относиться къ Герберту, такъ какъ написаны имъ отъ имени Арнульфа, реймскаго архіепископа, который, избравъ Гугона, прикидывался озабоченнымъ престижемъ новой династіи. По мнѣнію Havet, p. XVIII: „*Cette révolution (избраніе Капета?) fut en apparence (?) l'oeuvre d'Adalbéron, au fond celle de Gerbert*“ (1). Для подтвержденія этого слагаю и нѣсколько положенію Герберта во Франціи не соответствующаго (см. стр. 148, прил. 1) утвержденія, Havet ссылается на ep. IX D 163, гдѣ Гербертъ о своихъ врагахъ говоритъ: „*Me ad invidiam K(aroli), nostram patriam tunc et nunc vexantia, digito notabant, qui reges deponerem, regesque ordinarem*“. Но, вопервыхъ, его враги были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы придать Герберту болѣе важное значеніе при избраніи Гугона, такъ какъ такимъ образомъ они могли вѣрнѣе возстановить противъ него Карла и погубить его. Вторыхъ, Гербертъ и самъ былъ не прочь возвышать себя цѣну и потому могъ придать обвиненію своихъ враговъ лестную для собственнаго самолюбія форму. Вообще же для того, чтобы безошибочно судить о роли, какую игралъ Гербертъ при избраніи Капета, его собственное о себѣ свидѣтельство—источникъ очень не надежный. Рихаръ, разказывая о собраніи въ Сявля, не обмолвился о Гербертѣ ни словечкомъ, хотя и посвящалъ свой трудъ Герберту.

ресамъ Бесаря, лишняя помѣха политическому объединенію имперіи ¹⁾. Если уже говорить о римскихъ традиціяхъ, то можно сказать, что именно эти традиціи, понятны чисто книжнымъ образомъ, въ соотвѣтствіи истинному положенію вещей въ концѣ X вѣка, ставили Герберта и Адальберона въ ряды тайныхъ недоброжелателей Гугона съ самаго дня избранія послѣдняго въ короли. Гуговъ, съ которымъ они дружили прежде, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ однимъ изъ сильныхъ тормазовъ для развитія могущества французскихъ королей, теперь уже не могъ быть полезнымъ орудіемъ въ томъ сложномъ механизмѣ, который долженъ былъ работать для пользы нѣмецкихъ императоровъ ²⁾. Если, не смотря на все это, Адальборонъ и Гербертъ принимали дѣятельное участіе въ избраніи Гугона, то при этомъ они руководились различнаго рода соображеніями, которыя будутъ нами указаны ниже, но во всякомъ случаѣ не тѣми, которыя выставилъ Адальберонъ въ своей сапльской рѣчи. О „благополучіи государства“ французскаго, понимаемомъ въ смыслѣ его самостоятельнаго существованія, они заботились на самомъ дѣлѣ очень мало ³⁾. Ихъ взгляды не могли, разумѣется, пользоваться сочувствіемъ въ государствѣ, вступившемъ на путь національнаго развитія, да и дѣйствительно не пользовались: они должны были скрывать ихъ ⁴⁾. Можно ли поэтому, говоря объ избраніи Гугона, назвать Адальберона и Герберта убѣжденными и истыми выразителями взглядовъ французскаго духовенства и смотрѣть на нихъ, какъ на его достойныхъ представителей? Дѣятельная помощь, оказанная ими Гугову, не есть, такимъ образомъ, фактъ, который можно было бы эксплуатировать въ пользу теоріи, по которой избраніе Гугона было исключительно дѣломъ церкви, носительницы римскихъ традицій. Римскими традиціями были проникнуты и Гербертъ съ Адальберономъ, но это обстоятельство не поставило ихъ въ ряды искреннихъ сторонниковъ Гугона.

Итакъ, избраніе Гугона не есть торжество кельтской расы надъ пришлымъ германскимъ элементомъ, не вытекаетъ ни изъ феодаль-

¹⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 78—81, 86—88.

²⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 113—120, 122, 173, 174, 206—209.

³⁾ Напрасно поэтому Mourin, *Le comtes de Paris*, 1869, p. 295, полагаетъ, что Адальберонъ вполне сочувствовалъ программѣ французскаго духовенства, въ которую, между прочимъ, входило: „élévation au trône des princes capétiens comme seuls capables désormais d'assurer l'ordre au dedans, l'honneur au dehors“. Въ послѣднемъ Адальберонъ былъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ.

⁴⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I, стр. 76.

наго движенія, ни изъ однихъ римскихъ традицій. Оно есть прежде всего актъ національнаго самосознанія, проявленіе чувства національнаго самосохраненія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи оно является повтореніемъ избранія (въ 888 году) Одона, съ тѣмъ различіемъ, что послѣднее было направлено прямо противъ норманновъ, а первое косвеннымъ образомъ противъ германскаго преобладанія.

Во всемъ томъ, что происходило на собраніи въ Санли, можно указать только одинъ, повидимому, фактъ, не имѣвшій прецедента. Фактъ этотъ есть смѣлая теоретическая формулировка принципа избирательнаго престолонаслѣдія для Франціи, сдѣланная Адальберономъ публично ¹⁾. Реймскій архіепископъ заявилъ, что „королевская власть вообще не пріобрѣтается по праву наслѣдства“ и что анналы свидѣтельствуя о томъ, „что за малодушіе были лишены своего достоинства императоры самаго знатнаго происхожденія“. Заявление это было сдѣлано съ такимъ апломбомъ, какъ будто бы принципъ наслѣдственности королевской власти уже не имѣлъ защитниковъ во Франціи, и при томъ въ такой общей формѣ, какъ будто бы оно относилось не только къ Франціи, но и къ германской имперіи.

Но, во первыхъ, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что такая общность выраженій побудила Адальберону только для вѣщей убѣдительности, что эту формулу онъ и не думалъ распространять на Германію. Въ Германіи королевская власть представлялась ему съ Гербертомъ наслѣдственной въ старшей линіи саксонскаго дома. Оттонъ III былъ въ ихъ глазахъ „наслѣдственнымъ“, а не выборнымъ королемъ ²⁾, и они защищали его наслѣдственные права противъ притязаній Генриха съ большою энергіей, между тѣмъ какъ Генрихъ уже во всякомъ случаѣ больше трехлѣтняго Оттона III удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя Адальберонъ въ своей санлисской рѣчи предъявилъ къ кандидату на королевское достоинство. Правда, Оттонъ III былъ избранъ въ король, по желанію своего

¹⁾ Избирательность престолонаслѣдія получила формулировку еще и въ законахъ Аббона (см. стр. 151, прим. 1), но, во всякомъ случаѣ, позже собранія въ Санли и даже позже Рождества 987 г., такъ какъ въ предисловіи къ канонамъ Аббонъ обращается къ королямъ Гугону и Роберту. Ср. *Ebert. Allgem. Gesch. d. Lit. des Mittelalt. im Abendlande*, t. III, p. 398.

²⁾ Въ ср. LXXX, 79, Оттонъ III называется „hereditarius rex“. Въ предисловіи къ „*Libellus de rationali*“ (*Ollivis. Oeuvres de Gerbert*, p. 298) Гербертъ, обращаясь къ Оттону III, въ то время уже императору, говоритъ: „*Romanorum imperator — Romanis hereditario jure imperas*“.

отца, еще при жизни послѣдняго, и коронованъ въ Ахенѣ раньше, чѣмъ было получено въ этомъ городѣ извѣстіе о смерти Оттона II, но отчего же было не изложить его для блага государства, подобно тѣмъ императорамъ, о изложеніи которыхъ читалъ Адальберонъ въ анналахъ? Наслѣдственность престолонаслѣдія представлялась Адальберону, не смотря на опасенія, внушаемыя малолѣтствомъ Оттона III и перспективой женскаго регентства, большей гарантіей могущества Германіи, чѣмъ личная энергія и могущество Генриха. Что чисто избирательное престолонаслѣдіе можетъ быть при каждахъ новыхъ выборахъ причиной большихъ смуть въ государствахъ, это было, конечно, столь же хорошо извѣстно Адальберону, какъ и многимъ его современникамъ ¹⁾. Выступая въ Санли защитникомъ такого порядка престолонаслѣдія, Адальберонъ руководился, вѣроятно, соображеніями не слишкомъ то лояльными: мы знаемъ, что внутренній миръ Адальберонъ и Гербертъ считали необходимымъ только для Германіи и дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы поддержать политической дуализмъ, ослаблявшій Францію и открывавшій въ нее легкій доступъ ея восточному сосѣду ²⁾.

Вовторныхъ, законность избирательнаго престолонаслѣдія совсѣмъ не была такой общепризнанной, какъ это можетъ показаться изъ словъ Адальберона. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что *de facto* французская корона была уже съ конца IX вѣка въ рукахъ феодаловъ, которые до избранія Гугона уже трижды отнимали ее у каролинговъ ³⁾. Послѣ своей реставраціи въ 936 году каролинги относились къ своимъ предшественникамъ, не принадлежавшимъ къ роду Карла Великаго, какъ къ государямъ законнымъ, другими словами, мирились съ фактами, которыхъ все-равно уже нельзя было измѣнить. Мало того, Лотарь самъ иногда какъ бы съ намѣреніемъ подчеркивалъ въ своихъ дипломахъ то обстоятельство, что онъ король, избранный общимъ согласіемъ французскихъ феодаловъ ⁴⁾. Не смотря на все это, чисто избирательный порядокъ престолонаслѣдія признавался законнымъ еще далеко не всѣми. Существовала довольно значительная партія, въ глазахъ которой Карлъ былъ „законнымъ наслѣдникомъ“ ⁵⁾

¹⁾ Ср. стр. 157, прим. 4.

²⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. I., стр. 116.

³⁾ Luchaire t. I p. 23.

⁴⁾ Mourin pp. 257, 258, 352.

⁵⁾ Гербертъ, колебавшійся одно время между партіей Капета и Карла, спрашиваетъ въ ер. X D 164: „Quo jure legitimus heres exheredatus est?“ (ср. стр. 151, прим. 2).

престола и которая не захотѣла признать Гугона своимъ королемъ. Представители этой партіи, къ которой, какъ мы видѣли ¹⁾, принадлежалъ Сигуинъ, архіепископъ Санса, были слишкомъ многочисленны и попадались часто слишкомъ далеко отъ того района, на который простиралось непосредственное вліяніе каролинговъ, то-есть, напимѣръ, къ югу отъ Лоары ²⁾, чтобы оппозицію избранію Гугона можно было объяснить исключительно тѣмъ, что члены ея были непосредственно заинтересованы въ сохраненіи короны за каролингами. Здѣсь преобладала, очевидно, правовая сторона дѣла, закрывавшая собой истинные интересы Франціи, какъ независимаго государства. Эта, если позволено будетъ такъ выразиться, легитимистская оппозиція жила теоретически еще долгое время ³⁾ и вызвала къ жизни новую, примирительную теорію, по которой Людовикъ, умирая, самъ будто бы сдѣлалъ Гугона своимъ наследникомъ ⁴⁾. Въ числѣ сторонниковъ Капета были, конечно, и такіе, для которыхъ его восшествіе на престолъ было связано съ нѣкоторыми личными выгодами, но они, разумѣется, не могли быть особенно многочисленными. Большинство же изъ нихъ имѣло въ виду интересы государства, было убѣждено въ необходимости положить конецъ борьбѣ каролинговъ съ робертиницами, изъ которой первые все равно не могли выйти побѣдителями и которая угрожала самостоятельному существованію государства. Соображенія этого рода и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти стремленіе

¹⁾ См. стр. 166.

²⁾ Оппозиція избранію Капета выразилась теоретически въ датировкахъ многихъ хартій, выданныхъ къ югу отъ Лоары: „regnante Domino et absente rege terreno“; „rege terreno deficiente et Christo regnante“; „Christo imperante ac rege sperante“; „regnante Karolo rege“; „regnante Domino N. J. C., Francis autem contra jus regnum usurpante Ugone rege“; „regnante Hugone rege et Karolo sperante“ etc. См. Hist. du Languedoc, t. II (1733), pp. 120—124; *Bouquet*, t. X, pp. 544, 545; *Kalckstein* t. I, pp. 391, 413 n. 2; 420 n. 1. Въ испанской марки Гугона былъ признанъ въ скоромъ времени. Такъ Боррелль, графъ Барцелонны, еще въ 987 же году призналъ Гугона, какъ это видно изъ письма Гугона къ нему, писаннаго въ самомъ началѣ 988 г. (ср. CXII). Ср. Hist. de Languedoc, t. II, p. 125. То обстоятельство, что избраніе Гугона было лучше принято къ сѣверу отъ Лоары и въ Провенци, то-есть въ странахъ, ближе знакомыхъ съ вражескими нашествіями, чѣмъ страны между Лоарой и Провенци, гдѣ эта опасность казалась далекой, вполне соответствуетъ тому взгляду на избраніе Капета, который высказанъ нами въ текстѣ.

³⁾ Mourin, p. 357, находитъ слѣды ея почти до самыхъ альбигойскихъ войнъ.

⁴⁾ Odorannus (*Bouquet*, t. X, p. 165): „Anno 987 oblit Ludovicus rex juvenis, qui nihil fecit, donato regno Hugoni duci“.

упрочить за собой вліяніе на выборы короля заставили ихъ перешагнуть сомнѣнія относительно законности ихъ шага. Каролингская династія была еще разъ лишена короны, а вмѣстѣ съ тѣмъ была сдѣлана еще одна (и, какъ обстоятельства показали, неудачная) попытка дать торжество избирательному принципу престолонаслѣдія. Но въ числѣ людей, ратовавшихъ за избирательность французскаго престола, были и такіе, которые стояли за этотъ порядокъ престолонаслѣдія совсѣмъ не потому, что ожидали отъ него пользы для Франціи, какъ самостоятельнаго государства. Такими людьми были Гербертъ и Адальберонъ, чьихъ политическіе взгляды были тождественны. Объяснить причины, заставившія Адальберона стать на сторону Капета, значитъ выѣсть съ тѣмъ уяснить себѣ мотивы, руководившіе Гербертомъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что избраніе Гугона само по себѣ совсѣмъ не отвѣчало завѣтнымъ мечтамъ Адальберона. Если, не смотря на это, онъ былъ во главѣ партіи, дѣйствовавшей рѣшительно и энергично въ пользу Капета, то это объясняется тѣмъ, что въ 987 г. вопросъ шелъ совсѣмъ не о томъ, кого вообще выбрать въ короли Франціи, а о томъ, кому изъ двухъ возможныхъ кандидатовъ отдать предпочтеніе, Гугону или Карлу. Если не упускать изъ виду этого послѣдняго обстоятельства, то поведеніе Адальберона объяснится легко. Отношенія Адальберона къ каролингамъ, Лотарю, Людовику и особенно Карлу, съ которыми у него тоже были давнишніе счеты и который уже давно былъ предметомъ его ненависти, были такого рода ¹⁾, что Карлу онъ предпочелъ бы всякаго, а не только Гугона, въ которомъ онъ привыкъ видѣть союзника и друга Оттоновъ и всегдашняго врага ненавистныхъ ему каролинговъ. Гугонъ съ своей стороны сталъ въ послѣднее время явно покровительствовать Адальберону ²⁾. Но не одними личными соображеніями, не однимъ нежеланіемъ очутиться снова „между молотомъ и наковальней“ ³⁾ руководился въ данномъ случаѣ Адальберонъ. Съ избраніемъ Гугона связывался въ его головѣ рядъ соображеній другаго свойства, высшаго порядка. Оно представлялось ему все-таки шагомъ впередъ по направленію къ тому порядку вещей, который составлялъ его „*primum desiderium*“. Оно, во-

¹⁾ Ep. CXXII Адальберонъ напрасно сляется опровергнуть справедливое обвиненіе Карла: „*Odisse me putatis regium genus. Testor redemptorem meum, quia non odi*“.

²⁾ См. Сб. пис. Герб., ч. II, отд. 1, стр. 386, 393, 422.

³⁾ Ep. I.IV (см. тамъ же стр. 305).

первыхъ, было въ его глазахъ равносильно гибели каролинговъ, а вмѣстѣ съ ними и тѣхъ политическихъ традицій и притязаній, которыя въ глазахъ извѣстной партіи ставили ихъ выше саксонскаго дома; вторыхъ, оно обѣщало, на время по крайней мѣрѣ, дать Германіи миръ на западной границѣ; третьихъ, оно было торжествомъ избирательнаго престолонаслѣдія во Франціи, что по соображеніямъ, изложеннымъ выше, могло представляться Адальберону весьма выгоднымъ для Германіи ¹⁾. Ратуя за Гугона, Адальберонъ не думалъ, что онъ ратуетъ не за него одного, что онъ въ сущности владеть основаніе новой династіи, которая должна была одержать, въ концѣ концовъ, побѣду надъ феодальнымъ строемъ и сдѣлать Францію могущественнымъ государствомъ. Велико должно было быть смущеніе Адальберона въ концѣ 987 года, когда Гугона сталъ требовать отъ него, чтобы онъ короновалъ его сына, и сумѣлъ обставить свое требованіе такимъ образомъ, что пустяки отговорки Адальберона не могли помѣшать Роберту сдѣлаться наслѣдникомъ своего отца. Въ началѣ же 988 года Гугона выступилъ съ честолюбивымъ планомъ женить своего сына на греческой царевнѣ, имѣвшимъ цѣлю поставить робертинцевъ на одну доску съ династіей саксонской ²⁾. Не знаемъ, увидѣлъ ли тогда Адальберонъ ошибочность своихъ расчетовъ (они уже не въ первый разъ оказывались таковыми), но Теофанія, во всякомъ случаѣ, не была введена въ заблужденіе и своимъ поведеніемъ по отношенію къ Гугону показала реймскимъ близнецамъ, что своимъ рвеніемъ въ пользу Гугона они не заслужили ея благодарности ³⁾.

¹⁾ См. стр. 155—158.

²⁾ См. стр. 151 и ср. СХІ.

³⁾ См. стр. 151, прим. 2. Далее, по нашему мнѣнію, отъ имени Colombier, p. 252, который, разсуждая о роли Адальберона и Герберта при избраніи Капета, ставитъ вопросъ, были ли они измѣнниками или нѣтъ, и считаетъ этотъ вопросъ неразрѣшимымъ: „Dieu les a jugés (?). Quant aux hommes, ils ne pourront jamais prononcer avec certitude, s'ils violèrent ou non la justice“. Для насъ несомнѣнно, что Адальберонъ „viola la justice“ не въ 987 г., а гораздо раньше, когда принялъ санъ реймскаго архіепископа, то-есть, сдѣлался вассаломъ французскихъ королей, зная, что симпатіи и убѣжденія не позволятъ ему исполнять, какъ слѣдуетъ, обязанности, связанные съ его положеніемъ. Что же касается Герберта, то, продолжая въ 987 г. быть вассаломъ ивнечныхъ государей, онъ имѣлъ полное право злоупотылять, сколько ему было угодно, какъ противъ каролинговъ, такъ и противъ Капета. Во всякомъ случаѣ, оба они остались въ 987 году вѣрными своимъ политическимъ „*vis desideria*“. Совершенно невѣрно понялъ отношеніе, Адальберона и Герберта къ избранію Капета *Werner, Gerbert, 1878, p. 256,*

Сначала, впрочемъ, все пошло, повидимому, такъ, какъ рассчитывали реймскіе политики. Теофанія не преминула воспользоваться удобнымъ случаемъ возвратить себѣ Вердюнъ, все еще оставшіяся въ рукахъ французовъ. Гуговъ былъ слишкомъ испытанный политикъ для того, чтобы не видѣть неустойчивости своего положенія. Онъ зналъ, конечно, что Карлъ не будетъ сидѣть сложа руки въ своемъ герцогствѣ и явится во Францію добывать себѣ корону своихъ предковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Сторонники каролинговъ и просто враги Капета были разбросаны повсюду по Франціи, особенно много было ихъ между Лоарой и Пиренеями. Опасности угрожали Гугону съ сѣверо-востока и съ юга и заставили его подумать прежде всего о возобновленіи мирныхъ переговоровъ съ Германіей, прерванныхъ неожиданной смертью Людовика. Лицо, пользовавшееся довѣріемъ Теофаніи и знакомое съ поставленными этой государицей условіями мира, было у него подъ бокомъ: Адальберонъ достигъ, наконецъ, своей цѣли—служить посредникомъ при заключеніи мира съ Германіей¹⁾. Миръ этотъ долженъ былъ закончить для него трехлѣтнее осадное положеніе всего его архіепископства и разрѣшить нѣкоторые вопросы, отъ которыхъ зависѣла судьба его фамиліи, испытавшей на себѣ всѣ невыгоды враждебнаго Германіи настроенія французскихъ королей за послѣднее время. При такихъ условіяхъ и такомъ посредникѣ миръ не заставилъ себя долго ждать. Если, можетъ быть, Гуговъ съ Адальберономъ и истолковывали этотъ фактъ въ смыслѣ окончательнаго признанія Теофаніей порядка вещей, установившагося во Франціи, то дальнѣйшія событія показали, что они ошибались. Воспользовавшись выгодами мира, Теофанія и не думала брать на себя какихъ нибудь обязательствъ по отношенію къ Гугону, или, если и связала себя чѣмъ нибудь, то не придавала этому обстоятельству серьезнаго значенія. Политику свободныхъ рукъ она считала болѣе въ интересахъ Германіи и потому скоро къ ней возвратилась.

III. Бубновъ.

который полагаетъ, что онъ принялъ это событіе „mit dem Gefühle der Ergebung in's Unvermeidliche... und Gerbert eine Wendung der Dinge zu Gunsten des letzten legitimen Sprosses des karolingischen Hauses, der zudem auch zum deutschen Hofe in näherer Beziehung stand, nicht für unmöglich hielt“ (1). Такимъ образомъ, они являются у Wegner'a тайными приверженцами каролинговъ!

¹⁾ См. Сб. пис. Герб., стр. 376, 416, 417, 431. Наконецъ, въ ср. С. Гербертъ пишетъ о себѣ и Адальберонѣ: „acrior cura regnum nuper in conficienda pace longius nos detinisset“.